

Анатолий Мерзлов

ОВРЕМЕННИКИ
И КЛАССИКИ

Не Американская трагедия

Современники и классики

Анатолий Мерзлов

Не американская трагедия

«ИП Березина Г.Н.»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6

Мерзлов А. А.

Не американская трагедия / А. А. Мерзлов — «ИП Березина Г.Н.», 2019 — (Современники и классики)

ISBN 978-5-00153-080-0

Анатолий Мерзлов представляет на ваш суд не совсем обычный роман. Сюжет построен на общении внука журналиста со своим дедом. Тема органично, от рассказа к рассказу, складывается в единую Эпопею. Автор раскрывает отрезок времени от начала Великой Отечественной войны до нашего времени. Книга не стандартна построением сюжетной линии, и привлечет читателя изысканного, думающего, того, что ищет и находит не просто красивый текст, но и глубокий смысл, дающий пищу для размышлений.

УДК 821.161.1

ББК 84(2)6

ISBN 978-5-00153-080-0

© Мерзлов А. А., 2019
© ИП Березина Г.Н., 2019

Содержание

Мерзлов Анатолий Александрович	6
Не американская трагедия	8
Часть 1. Колдунья	11
Часть 2. Вера, Надежда, Любовь	23
Верочка	23
Глава 1	23
Глава 2	25
Глава 3	26
Глава 4	28
Глава 5	29
Глава 6	31
Глава 7	32
Глава 8	33
Глава 9	34
Глава 10	35
Глава 11	37
Эпилог	38
Надюша	38
Любовь	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Анатолий Мерзлов

Не американская трагедия

© Анатолий Мерзлов, 2019

© Интернациональный Союз писателей, 2019

Мерзлов Анатолий Александрович

Родился не по своей воле в солнечном Батуми – душе и сердцу ближе берёзово-рябиновый край. Дом, где родился, где прошло детство и юношество, стоял на самом берегу Чёрного моря. Это морской прибой с рождения шептал мне тайны своих глубин. Романтическое начало, возможно, и зародилось на этих откровениях. Море стало естественным толчком к будущей профессии. Хотел выучиться на штурмана, стать капитаном, но так распорядилась судьба. После перенесённой очень странной болезни обязательное в период обучения лазание по вантам парусного барка предложило единственный шанс остаться в плеяде моряков – поступить на судомеханическое отделение. После окончания мореходного училища в качестве судового механика дальнего плавания обогнул несколько раз земной шар. Военные конфликты, в которые прямо или косвенно был вовлечён Советский Союз, не обошли стороной: узнал вкус войны во Вьетнаме, участвовал в событиях на Кубе и на Ближнем Востоке.

Работа в плодовом совхозе, окончание Высшей школы управления сельского хозяйства стали следствием тоски по земле в долгих странствиях по Мировому океану. После развала

совхоза, в перестроечный период, оживилось юношеское увлечение – разведение декоративных рыбок и животных. На этом поприще начал предпринимательство.

В 90-е годы почувствовал моральное право для публичных суждений и самовыражения. В начале нулевых издательство «Советская Кубань» выпустило в свет первые и самые дорогие мне книги: «Платановая аллея», «Здравствуй, Геленджик», «Счастливчик», «На пути в никуда», «Эта страсть навсегда». Позже, в геленджикском издательстве – «Код доступности», «35-й день осени». Членство в геленджикском отделении при Союзе писателей Кубани, знакомство с прекрасным поэтом В. Рудковским усилило вектор творческого начала. В поисках совершенства пополнил ряды Интернационального Союза писателей. В серии «Современники и классики» выпущен сборник повестей и рассказов «России ивовая ржавь», роман «Русское счастье». Литературный альманах «Российский колокол» регулярно печатает подборку моих произведений.

Дипломант литературных конкурсов А. И. Куприна, А. Н. Толстого, Жюль Верна, музыкально-поэтического конкурса в Ялте «ЯЛОС-2017» в номинации «Проза». А в душе ещё так много невысказанного и, надеюсь, остро нужного будущим поколениям! Моя основная цель – способствовать сохранению лучших отечественных традиций. Россия – моя Родина! Россия – моя любовь! Россия – мой вдохновитель! Россия – моя боль! Россия – для меня всё!

Не американская трагедия

Лишь русская трагедия оставляет место для оптимизма.

Автор

После окончания гуманитарного университета я вернулся в родные места. К счастью, нет, скорее к несчастью, работа по специальности нашлась довольно быстро. Искал её сам, без протекции. Простите, такой уж праведностью наградила природа. В течение какой-то недели обосновался в районной газетёнке с громким названием «Новая Заря». Взяли собкором с испытательным сроком пока на полставки. После первого острого материала, к которому подошёл с полной самоотдачей: изучил досконально, с фамилиями, фактами, свидетельствами – в самом начале притирки к месту открылось для меня ужасное: газета служила карманным придатком местного теневого олигарха. Качеством поданного мной материала, в озвученной устной рецензии, главный редактор удовлетворилась, печатать же в чистом виде без «лёгкой корректировки», как она выразилась, наотрез отказалась, хотя я и включил весь арсенал разумных доводов. Аргументы, непонятной мне природы, объяснялись сложившейся в газете, оказывается, задолго до моего появления некоей нейтральной этикой поведения. Назавтра я ужаснулся: с раскрученными мной фактами сделали классический «пишик» – истина исказилась до низости обобщённых «одобрямс-столбцов». Острота темы разбавлялась «водичкой», а с мнимыми личностями она теряла всякий законченный смысл. Я не преминул выразить мнение на месте, прямо в лицо редактору – сказал всё, что мне представлялось очевидным. Присовокупил мутную воду, в которой газета пытается поймать скользкую рыбку. Редактор осталась спокойна до цинизма: перед собой она видела не более чем расшавившегося дилетанта. После ухмылки, не выдержав такого откровенного издевательства, шлёпнул в негодование об стол ладонью. Это случилось перед женщиной. Повинность: то был мой первый в жизни негатив при общении с женщиной вообще, а с должностным лицом в частности. Сволочи в моей следующей жизни, даже откровенные, случались, но циник в маске – никогда. И хлопать дверью, и голос повышать до срыва – не моё свойство. Но сорвался, в большей мере от неисполненных обещаний, данных мной доверившимся мне людям. Выскочил за дверь в полном бессилии от своей несостоятельности. Выходит, зря я гордился хорошим курсом школы профессора Анненского. О подобных казусах – отрыве школы от реальности, на факультативах, в моменты дружеского общения, вопросы не поднимались. По-видимому, меня готовили к участию в прогрессе общества, уже достигшего совершенства. Спас от саморазрушения мой сильный тыл – им был мой дед. Сегодня я с полной уверенностью могу сказать о нём: мой Мудрый дед. Внешне – не классика: не аксакал с седой бородой, но вполне себе мечта внука – молодежавый, спортивного покроя, остроум-дед. Не сразу и не сиюминутно, как хотелось в тот момент, смог пообщаться с ним. Говорили много: и на возникающую злобу дня, и о прошлых недоразумениях в текущей действительности. В общении дед открылся мне на целую будущую книгу.

О летней резиденции деда знали самые близкие ему люди, к коим причислился с некоторых пор и я. Он расквартировался в отрогах Кавказского хребта, на Маркотхском перевале, в шалаше. Последние три года дед уходил от цивилизации на всё лето оздоравливаться духом и телом.

Оказавшись на перепутье, обозначенном на схеме, издал условный звук, имитирующий крик древесной квакуши – почти следом услышал призывный ответный. Повёл глазами: не без труда, повыше на склоне, у приземистого дубка, увидел почти слившуюся со стволом фигуру. Помахивая рукой, дед указывал мне пути подхода.

Трудно сегодня найти, здесь, в плотно населённом юге, не изгаженные Великодержавным присутствием лесные уголья. А всё же ищите! Благодаря нашим необъятным просторам, к счастью нашего поколения, кое-где они сохранились. Оглянитесь с пристрастием, отыщите ту заветную даль, устремитесь к ней, и вы не разочаруетесь.

Жёсткая щетина терновника не позволяет напрямую срезать склон поляны – проход есть далеко в обход, надо миновать большую поляну и другую, поменьше, где в удушающем объятии паутины застыли сеянцы деревьев. На ней, как в удручающей декорации, поникли угнетённые ясеники, с виду переставшие ждать возможности спасения из клейкого плена. Но эта возможность остаётся, ибо горы продолжают ласкать взор зеленью живого леса. Недолго томиться им в жёсткой кольчуге – придут холодные северные ветра – уснут они скоро, и вместе с пожухшей листвой первые же порывы холодного ветра унесут в неизвестность разорванные путы, зло, поиграв ими в назидание за насилие – закидают палой листвой. Весна первым теплым дуновением разбудит в молодых побегах замершую жизнь. Проснутся деревца в свободном обновлённом просторе, продолжая борьбу за существование в новом качестве бойких подростков, не допуская гениев зла к своей быстро набирающей силу кроне. И так из года в год, всё выше и выше к солнцу, всё больше становясь недостижимыми для расставленной у их основания сети мракобесия. Всё на Земле подвержено законам природы. Непреложность этих законов кровной меткой сопутствует всему живущему на Земле, не исчерпываясь единственной формой биологической жизни. Даже с наступившей безысходностью она перевоплощается в сложные химические соединения, продолжая оставаться элементом природы.

Залысина горной высоты, обдуваемая всеми ветрами: южным – несущим слёзы, северным – охлаждающим горячее сердце, восточным – таящим загадку, и западным – дарящим надежду, – дала правильный ориентир. Высота в этой отдалённости могла бы отпечататься в сознании прекрасным пейзажем – на самом деле явила собой яркую миниатюру пагубного хозяйственного воздействия. Не растущая здесь трава, да умирающий мианик – стали тем следствием, когда не в силах помочь один, даже очень высокий, разум.

– Поздравляю тебя, дед, с моим первым провалом, – наблевшее, от чего поспешил освободиться даже не поздоровавшись.

– Что так, не прошёл репортаж?! – с лёту парировал дед. – А ведь увлекательно написано /дед читал материал/ – главное, остро, и в самый глаз. Твой не замусоренный бытовой шелухой мозг легко нашёл несоответствия с логикой: «Двигаемся медленно, ходим в видимости главного, зато покой обеспечен».

Ты, я хотел сказать тебе раньше, слишком рано и опрометчиво вспомнил в репортаже рыбу, что извечно гниёт с головы. Всё у тебя есть, всё правильно, каждый подпишется под выставленными фактами. Беда в другом: зелен ты – в том весь казус! Куда тягаться тебе с мощными дядьками, связанными круговой порукой? Никто из них, даже при своих разногласиях, не сдаст один другого. Это, брат, затенённое образование на теле нашего общества – ворон ворону глаз не выклюет. Тяжело жить в России, противопоставляя себя, одиночку, групповому сговору. Кто захочет тебя поддержать – того не услышат, ибо слывет он «писаткой» – бьётся-не добьётся правды в инстанциях. Кто мог бы реально помочь, перегорел в безысходных истериках – нашёл тот свою нишу и залёг от безнадёги на дно. Садись, мой милый, выпей свежего отвара зверобоя продырявленного – тонизирует лучшие всякого заморского чая.

Дед передал мне кружку с красивым янтарным напитком. Я вдохнул аромат.

– Пахнуло в нос чарующим тимьяном? Пошла тонизация? Пей, пей на здоровье! Может, кушать будешь? Гречка с тушёной, духмяная, приправленная лучком и дымком?

– А зря, – расстроился дед моим отказом. – Первые неумелые шажочки – и сразу потеря аппетита?! Не боец пока!.. Осмотришься красотою, отдышишься, войди, как говорят на флоте, в режим стабильного хода. Ты, я уверен, приехал не просто заполучить моё сочувствие? Помнится, намекал на что-то нестандартное, большое, настоящее?

А я похлебаю за компашку с тобой чудодейственную смесь из отвара трав – тебе моя горечь не понравится. Намешаю и будем общаться. Без подготовки трудно вступить – сердце заходится от желания высказать всё и сразу, на одном дыхании.

Дед сделал несколько глотков, удовлетворился оказанным действием и, возвысив голос, неожиданно торжественно произнёс:

– Родину, как и мать, не выбирают! Для глубокого понимания всей подноготной нашей истории надобно от истоков рыть, аккуратно, до последнего броска в отвал, не создавая огрехов личностям. На эмоциях, с плеча, нельзя – революции по-русски мы помним...

Готов такое слушать? А в каком из стилей ты как журналист преподашь мой материал на суд людской – определишься сам. Учился ты у «зубров», а всё же будь индивидуален, понятен без купюр всякому, кто захочет вникнуть в твои писания. Не погнушайся прослушать фрагменты генеалогии нашего рода. Без их целостного построения, от фундамента под крышу, не почувствовать тебе связи времён.

– Скучивают ты... Задумался что-то. До анализа далеко, многие возможности открываются тебе сегодня, – сказал дед, доедая последний глоток из объёмной, в оспинах сколов, эмалированной кружки. – Красотища-то какая!..

Он цепко впился взглядом в одинокий разлапистый ясень. Тут же резво вскочил, схватил сухую ветвь и замахал ею над головой, сопровождая криком: «А ну, пошёл, каналья!» Я сразу не сообразил, а когда с верхушки ясеня сорвался ястреб, всё понял – дед спасал чью-то повисшую на волоске жизнь.

– Удод на трухлявый дубок повадился кормиться – наблюдаю за красавцем несколько дней. За ним, бестия, затаился... Теперь спокоен: нет на нас греха за равнодушие, – с удовлетворением выдохнул дед, устраиваясь удобнее на импровизированном сиденье из брёвен. – Готов двигаться по спирали родственной генеалогии?

Взгляд деда рассеялся – он ушёл в себя.

Часть 1. Колдунья

*Изнемог я от недуга своего,
Как же сердце от желаний не устало
До сих пор!*

Уже в первые дни той страшной истребительной войны большая семья Морозовых потеряла сразу трёх членов семьи.

Отца – главу семейства, сорокалетнего Денисыча, совсем не старого ещё, набирающего мужскую статью мастера хлебопекарного комбината, призвали в день объявления войны. Он простился накоротке с женой, недавно миниатюрной, юркой, как соседская игривая козочка, Маняшей, теперь, извините – Марьей Ивановной, с детьми – тремя сыновьями и тремя дочерьми. На третий день ожесточённых боев попал в окружение и канул в вечность. Возможно, старый служака, командир регулярного воинского подразделения, куда спешно прикомкнул с пополнением вчерашний хлебопёк, не успел в суматохе отступления толком познакомиться с новичками, а, скорее, сам сгинул в той ужасной мясорубке с печальным списком имён в планшетке на боку, не успев отписать похоронки – всё покрылось мраком времени. Был несколько дней назад человек – уважаемый, нужный всем, и не стало его, как будто и не было совсем, если бы не напоминанием тому семейство и не саднящая болью память о нём.

Хорошие дети росли у Денисыча. В семейной иерархии каждый выбрал для себя роль в предстоящей большой жизни. Если прихварывала бабушка – будущий врач, маленький Коленька, брал в руки слуховую трубочку старого эскулапа Дениса Павловича, отца Ивана Денисовича, и врачевал, уморительно правдоподобно подражая ушедшему безвременно деду. При первой же бомбёжке погибла бабушка, свекровь Марии Ивановны, младший сын Коленька и Варюша. Возможно, все трое вознеслись на небеса, чтобы встретиться там, направляя ангелов-хранителей оставшимся членам семьи – об этом остаётся лишь догадываться.

От больших городских строений: пяти школ, городской больницы, русского драмтеатра, да и всего компактного жилого массива не сохранилось живого места. Одни окраины, уцелевшие волею Бога, по ночам мерцали подслеповатыми окнами лачужек. Оставшийся без крова народ пытался вначале прибиться к просторам «хламовников» – многочисленных загородных, построенных на одном дыхании сараюшек, но, когда пришло стойкое понятие «война надолго», стал рассасываться кто куда. Преобладающая часть двинулась по пыльным дорогам на Восток, палимая жарким солнцем, поливаемая пулями с самолётов противника. Многие не дошли до места: кто не выдержал сердечной боли от увиденной крови и неоправданных потерь, а кто стал жертвой немецких безжалостных стервятников.

Марье Ивановне выпала доля старшей в нежданной битве за жизнь, за будущее их фамилии. Вчерашняя веселушка, в тридцать восемь – превратилась из цветущей, жизнерадостной женщины в осунувшуюся, убитую горем мать. Марья Ивановна не развенчала долг, но он не ожесточил её до слепой ненависти, а лишь подменился неведомой женщине волей. Как надорванный непосильной работой конь, она самоотверженно тянула гружёную тележку, на которой совсем недавно Иван Денисович катал её с горки под дружный хохот детворы. Тележка и сделана-то была со смехом для увеселений. Ещё была свежа в сознании их безоблачная жизнь. Марья Ивановна катила тележку, вспоминая, как они с Денисычем вдвоём покатались с горки кубарем – она не удержавшись, а он, пытаясь остановить её. Любил её Ваня, с того самого дня, как увидел впервые.

Старшие дети: пятнадцатилетний Мишенька – копия папы, и тринадцатилетний Саша, не по годам серьёзный – дружно помогали Марье Ивановне. Младшие две девочки: девятилетняя Настенька опекала трёхлетнюю Фенечку, которая сидела среди нехитрого скарба на тележке, под устроенной шатром праздничной скатертью.

– Коленьке исполнилось бы сегодня пять лет, – удерживала себя от слёз Марья Ивановна.

Все двадцать дней бродяжничества она не переставала корить себя за слабость, что пошла на поводу у свекрови, не настояв уйти во время налёта в подвал. Она до последнего не верила в войну всерьёз. Хотя в соседний дом и попала тяжёлая бомба, пронзив его до подвала, и на месте осталась зияющая чёрная дыра, обрамлённая печальным рваньём берёз, от некогда красивой посадки, Марья Ивановна продолжала терзать себя виной. И кто его знает, помогло ли обращение к Богу, в ком она нашла тогда единственную поддержку, единственную силу, способную услышать и помочь – они выжили, либо что-то другое, неведомое. Марья Ивановна неумело, но страстно просила небо о главном – сохранении жизни всем оставшимся. Никто нам не сможет сказать, что возымело большую силу: чудодействие ли неба, концентрация ли её кипучей энергии или воля русской мученицы.

Отученные за годы советской власти, как правильно держать перст, многие тогда вспомнили Бога. Из сердца Марьи Ивановны стремились вылететь какие-то особые слова, какие-то невероятные по страстности заклинания, и они воплощались в шёпот, несущий её боль к небу.

Саша лишь после окончания войны отправится в Германию, да и то на службу. Марья Ивановна с семейством переможётся в Ярцеве, в спрятавшейся вдали от города и магистральных путей-дорог, среди дремучего леса, деревне-поселении для инвалидов детства, на Запад от родного Смоленска. В отличие от большинства беженцев, Марья Ивановна повела своё семейство не на Восток, под защиту отступающих войск, а в противоположную сторону, к белорусской границе. О Ярцеве она окольно слышала – там давно велось самостоятельное натуральное хозяйство, ещё с мирного времени поставленное хозяйственниками на обкатанные рельсы. Приютили их на хуторке из трёх изб, в полукилометре от основного поселения. Бабушка, пустившая их на проживание, внешностью смахивала на персону Бабы-яги. По древности своей старуха помнила декабристов, отбывающих наказание у них в губернии за участие в путче против царя. В чём только держался в ней дух – время скрючило её, как любвеобильную лиану вокруг облюбленного ей дерева. По её собственным словам, дух тот держался на особом предвидении и врачевательных способностях. Великое множество сухих метёлок покоилось на множественных подвесочках повсюду под потолком почерневшей от времени лачужки, включая брёвна стен – и там затаились мешочки со снадобьями. Поговаривали: водит старуха дружбу с нечистой силой, оттого и не селился у неё до сих пор никто. Марья Ивановна чем-то угодила, приглянулась ей. Обычно ворчливая и ядовитая в общении, старуха приветила всё семейство. В три дня поставила на ноги Фенечку, давно мучающуюся животиком. С Марьей Ивановной они понимали друг друга по взгляду – словами перебрасывались редко, лишь скудными фразами по крайности.

Приближалась осень, вековой лес в этот год припозднился с зелёным нарядом. Погода баловала теплом. Только редкие жёлтые листья, вносимые вихрями ветерка в низко сидящую дверь жилища, напоминали о предстоящей смене времени года.

Канонада откатывалась на Восток и однажды пропала совсем. Дни и ночи в лесу стояла просто звенящая тишина. Затихла и основная деревня-поселение, даже ветерок не приносил оттуда ни малейшего звука. Мальчики, заготавливая дрова к предстоящей зиме, старались излишне не шуметь, да и девочки без окриков играли в неслышные игры. Природа притаилась, сочувствуя людям, словно давая им время оправиться от внезапного вихря войны.

Возможно, жизнь в лесной глуши долго бы баловала их души умиротворением, а Марья Ивановна поднялась бы выше малодоступных таинств религии. Возможно, продолжала бы углубляться в чудодейственную силу молитв, становясь глубоко верующей в тиши и безопас-

ности, если бы господин случай не поставил бы с ног на голову их безоблачное существование. Обретающие небесную силу понятия, в том сумбурном времени, изменили их устоявшийся быт.

У немцев не было здесь интереса, стратегического значения дом инвалидов и их мирное поселение не имели. Центры партизанских образований сместились ближе к сфере своего влияния – к железнодорожным узлам и прочей инфраструктуре оккупантов. Главный интерес и тех и других сил упёрся в оршанскую железнодорожную развязку. Орудовавшие там бело-русские подпольщики держались явочных квартир и небольших заимок в ближайших окрестных лесных массивах. В какой-то момент форма борьбы приняла внешне откровенное пособие немцам. Но паровозы, выходявшие из депо и станции Орша, через короткое время начали взрываться в пути следования, пуская под откос литерные немецкие составы. Много позже немцы разгадали замысел подпольщиков: взрывчатка закладывалась в бункер с углём, замаскированная под топливо, она взрывалась далеко от места, на промежуточных перегонах. Нескоро немцы вычислили подполье. С помощью провокаторов арестовали некоторых из рядового состава, вышли на руководителей. Только через месяцы узел заработал в безопасном для немцев режиме. Сохранившийся костяк подполья оперативно поменял тактику: от скрытой борьбы перешли к откровенной партизанской рельсовой войне. В противовес выделялись крупные воинские подразделения для уничтожения партизанских опорных пунктов и баз. Дислокация их изменилась – базы перебравшись в соседние области, маскировались маневренные подходы. Партизаны совершали длинные рейды малыми мобильными группами и только там воплощали в жизнь дерзкие планы возмездия. Частенько теперь вблизи хутора жители поселения видели осторожных суровых людей в штатском, обвешанных оружием.

Как-то, накануне, перед вечером, в окно халупки бабушки поскреблись. Марья Ивановна вышла, и, тут же в жилище влетел «смерч». Девушка лет шестнадцати впрыгнула к ним, разбрасывая верхнюю одежду по сторонам, кинулась в ноги к возлежащей на своём топчане бабушке. Спина древней женщины распрямилась, глаза заблестели – такое в ней никто и не предполагал. Девушка самозабвенно обцеловала бабушку – всю, с головы до ног. Вихрь придыханий и возвышенных возгласов продолжался долго, после всего девушка осмотрелась вокруг и увидела посторонних, внимательно созерцающих их бурную встречу. Она потупила глаза, явно смутившись.

– Зочка, у меня живут беженцы – они хорошие, не стесняйся их, – проямлила разомлевшая от внезапного счастья бабушка.

Опомнившись, представила молодую гостью как правнучатую племянницу. Все одобрительно закивали, один Миша смотрел на девушку особенно – он не мог оторвать от неё глаз. Находясь в возрасте обострённого романтизма, Миша залюбовался откровенно, забыв о внешних приличиях. Как замороженный переводил взгляд с рассыпавшихся белокурых волос на голубые глаза, двумя блюдцами занятыми, казалось, половину её лица. Особенно красивой Зоя увиделась Мише в проявлении взрывной эмоции.

– Не смотри на меня так, сглазишь ещё! – усмехнулась во всеуслышание Зоя, чем заставила залиться краской его лицо, в довершение к давно пунцовевшим ушам. Опомнившись, Миша отвёл взгляд, нагнул голову и, выдав себя этим, пулей выскочил наверх.

До позднего вечера Зоя с бабушкой за ситцевым пологом шептались о чём-то. Миша с противоположного угла мог ловить её силуэт.

Утром сквозь высокие кроны деревьев сверкнуло солнце. Затянувшаяся осенняя благодать приободряла людей. Лёгкие дожди окропляли грибницу, не создавая особых неудобств, и грибы пробивались на свет божий каждой новой молодой семейкой тут же на задворках жилища. Слава Богу, не голодали – лес кормил, запасы рачительно закладывались на зиму. И пшеничка из неприкосновенных запасов выуживалась из закромов, и солонинка, правда не так часто, как хотелось, подновляла стол.

Зоя спозаранок настирала ворох бабушкиного тряпья и сейчас развешивала весь этот унылый арсенал по зацепочкам на частоколе изгороди. Миша краем глаза наблюдал за ней. Закончив, Зоя повела глазами, любуясь своим трудом – подошла к Мише, точащему оселком топор. В груди у Миши свело дыхание – он не осмеливался поднять глаза, пытаясь обыграть свои действия полным безразличием к окружающему. Даже подул на острière топорика, чего никогда при заточке не делал. В состоянии непонятной ему новизны дыхание стало прерывистым. Как только мог он сдерживал себя, стараясь хотя бы унять бегающие глаза. В этом состоянии он не мог анализировать, не мог дать себе отчёт, почему приближение Зои парализовало его самообладание. Разве можно предположить в его возрасте, что именно так приходит первая юношеская любовь. Есть ты и она, и это две главные планеты всей вселенной – остальное фон, малозначимая звёздная россыпь. Играючи перетаптываясь, Зоя высокопарно произнесла:

– А не желает ли рыцарь составить компанию за грибами на дальнюю порубку? Может одной ходки хватить и поесть вволю, и на зиму засушить. Гляжу, ты здесь за старшего мужика? – И не дожидаясь его ответа: – Берём мешки и вперёд?

Складывающий дрова Саша дёрнулся было пойти за компанию, но назидательный тон старшего брата остановил его.

Зоя юркнула мышкой в сараяшку, выхватила из сарайного хламья перевязанные бечевой мешки, подтянула к спине котомку. Сбивая хлыстиком налитые головки семян травы, не оглядываясь, двинулась в лес. Миша заткнул за пояс отточенный, как бритва, топорик и следом, не оглядываясь, молча устремился в лес.

По дороге разговорились. Вначале говорили отвлечённо, ни о чём. Миша отвечал односложно, выдавал волнение дрожащий голос. Он продолжал, теперь близко, изучать Зою, находя её совершенством девичьей природы. Мысли его витали где-то на подлёте к Марсу. Девчонки в школе были другими, он их люто ненавидел и считал порождением зла. Библии Миша не читал – не принято было – и все его рассуждения покоились на трёх материальных китах: глупышки, страшилища, пустобрехи.

Он любил читать, и прочитал много больше своих сверстников: образ Аэлиты из романа Алексея Толстого надолго отбил у него охоту к общению с этими «завистливыми», «мелочными» порождениями.

Зоя стронула в его душе тяжёлый эксцентричный маховик, как в механизме ракеты Гусева. Маховик этот, всё ускоряясь, увлекал его в далёкую туманность Андромеды.

– Ау! Ты меня слышишь? – тронула Зоя за плечо вышедшего из контакта Мишу.

Он встрепенулся и попробовал сконцентрироваться.

– Я спрашиваю – тебе можно доверять, ты человек с волей? – дошло до него.

– Воля? – приходил в себя Миша. – Если надо, то «да»! – Возбуждаясь неожиданным вопросом, ответил он коряво.

– А пытаться станут? – продолжала Зоя настойчиво.

– Даже если пригрозят..., – он показал жест на шее, – не сдам товарищей.

– Слушай, хочешь участвовать в вооружённой борьбе?

– Без оружия? Мне дадут оружие? – разгорелся интересом Миша.

– На этом пути тебе предстоит сделать первый шаг...

Часа через два плутания по гуще леса Зоя вывела его на опушку. Впереди лежало открытое пространство, перемежающееся перелесками. До горизонта простирался сплошной лес.

– Изреженный лесок в ложбинке, – привлекла жестом его внимание Зоя, – это и есть порубка, там должно быть много грибов.

– А как же с вооружённой борьбой? – недоуменно взглянул на неё Миша.

– Потерпи, скор больно! – Почему-то отмахнулась от него Зоя.

Она увлекала его вдоль опушки и была очень сосредоточена.

– Мы немного посидим, отдохнём, потом отправимся дальше.

Зоя пригнула за куст торчащую над ним Мишину голову и с нескрываемым интересом обшарила глазами округу.

– Подозрительного ничего нет...

За спиной визгливым криком всполошилась птица, и, почти сразу, ей ответила другая, с противоположной стороны. Потом ещё и ещё, по одному разу.

Миша увидел, как приложила к руке Зоя, имитируя этот звук.

– Как всё интересно, – задохнувшись удивлением, вымолвил он.

Они вышли на открытое место, пересекли его. Собирая на одежду колючие семена, углубились в порубку. Здесь Зоя осмотрелась, прежде чем показать нужный объект – им оказалась замаскированная землянка. Отвалив тяжёлую дверь в пластах дёрна, Зоя с Мишей съехали внутрь. Узким туннелем скатились вниз. Миша представил, как сложно будет выкарабкиваться отсюда назад.

Из туннеля попали в подземелье – местами в узкие щели пробивался свет. Через 15-20 шагов, Миша их считал, из боковой ниши их окликнул голос:

– Моё приветствие, Зочка!

Зоя ответила приветствием и отодвинула брезентовый полог. Вошли в узкую продолговатую землянку, по бокам оборудованную широкими полатами, на них вповалку отдыхало несколько человек в одежде. Сверху тянуло сквознячком – густо пахло прелой соломой.

– А-а, знаю, знаю, проходи, Зочка – донеслось из тёмного кармана землянки. Скрипнули доски лежанки.

– Отдохнула, повидала бабульку? Как там она, всё тешится с «нечистой»? – спросил скороговоркой, зажигая горелку, скуластый, гладко выбритый мужчина. Он обнял Зою – Мише отрывисто пожал руку.

– Зря вы так, товарищ Зубр, бабушка свой дар использует во благо.

– Я не имею полномочий от власти влиять на убеждения пожилого человека, а от себя воздержусь. Сегодня у нас другие задачи – любой ценой разгромить фашистскую нечисть. И не просто разгромить, а так, чтобы от неё пыли на земле не осталось. Садись, дочка. Друг твой верный человек? Ты рассказала ему о задании?

– В общих чертах – он надёжный.

– Ладненько, о частностях поговорим позже. Большие затруднения с молодыми кадрами, – откровенно сконфузился он. – В короткое время пришлось поменять дислокацию, сама знаешь, стала иной тактика диверсионной борьбы – приходится рисковать, вводить в дело вас, подростков. В этом наша слабость и наша сила. Мало осведомлённый человек ведёт себя естественнее. Новичку надо побороть начальный страх. Первое время подстрахуем, не дадим просто сгинуть – это не в наших правилах.

Чай с ржаными сухарями из партизанского пайка создал для Миши ощущение дома.

Прихлёбывая из кружки, Миша слушал, не упуская деталей.

– Вот то место, где вы должны вести наблюдение. Работа с рацией, Зочка, для тебя знакома. Ты отобьёшь нам условный, пустой для постороннего слуха сигнал, отсюда – это болотистая местность, – показал он место на карте, накрыв его кулаком.

– Бояться особо нечего, но опасность есть. Версия у вас железная: вам хочется жить лучше, чем вашей бабушке, вы ищите пропавших родителей. Помните чётко: рядом с рацией – вы диверсанты. Не пугаю, но исход в этом случае один – пытки в застенках гестапо, при молчании – виселица. Говорю без обиняков, как есть, пока не поздно можно отказаться.

Зубр исподлобья стрельнул по их лицам.

– Выдюжим?

Миша незамедлительно кивнул.

– Не спешите с ответом, услышьте своё сердце. Ваша задача очень ответственна: проследить направление следования нужного нам состава, а дальше всё закрутится без вас, как в хороших часах. Даю время на размышление, много не могу – десять минут. Ладненько?

Зубр отчеканил и прошёл к спящим людям. Наклонившись, чуть слышно что-то сказал одному из них. Миша, захлебываясь от обуявшего его восторга: он получит настоящее задание – зашипел в ухо Зое:

- Нам и орден за операцию дадут?
- Дадут, может быть, – шёпотом, но с декламацией ответила Зоя. – Согласен, отвечай?
- Да!!!
- Уверен?
- Я сказал твёрдое – «да!!!»
- Смотри, могут подстрелить, даже убить.
- А тебя? Ты ведь не боишься?
- Боюсь, и иногда страшно оттого.

Восстанавливая по коротким заметкам 40-летней давности, выудив из истёртых страниц главную мысль, а многие детали по осветлившейся памяти, я живо вспомнил отца – послевоенного главного диспетчера крупного железнодорожного узла. Вспомнил его глаза, полные любви ко мне, его горячую руку у себя на плече, его тихий задушевный голос и подумал: я не имею ни малейшего права забыть хотя бы одну, малейшую деталь его рассказа. В жизни он был правдолюбом и не терпел искажений в истине.

– Простите, таким народился, таким меня и терпите окружающие, – говаривал он.

Отец не выносил перевёртышей и приспособленцев. Я в самом начале решил: повествование должно быть в духе, достойном его памяти.

О войне сказано много, в том числе и о партизанской борьбе, и какими матёрыми талантищами! Не хочется своей подачей святого для нас материала пасть лицом. Имел цель описать партизанские подвиги отца, но пусть об этом скажут его награды. Тогда переосмыслил построить свой рассказ на его первом притязании на любовь, решил открыть тебе настоящий, не высосанный из идеологического пальца образ. Насколько я чувствовал – отец жил счастливой семейной жизнью. Рассказывая о том военном лихолетье, он делал это с несвойственной ему страстью, которая при его степенности открывала глубокое содержание души. Я понимал: партизанские годы – это больше чем просто воспоминание, они – органическая зарубка на его сердце.

Не успел Миша закончить мысль: перед ними вырос Зубр – командир знаменитого партизанского отряда.

Сцепив руки за спиной, он одной мимикой вопрошал к ним, давая возможность справиться с мыслями без наводящих вопросов. Зоя молчала. Миша, голосом похожим в интонации на торжественную клятву, неожиданно для себя выпалил:

- Я готов выполнить любое задание партии! Не пожалею для этого своей жизни!
- Вот этого не надо. Выжить и жить дальше! – внезапно посуровев, взлохматил чуб Миши

Зубр.

С Зоей Миша был готов на любой шаг. Он хотел видеть её ежеминутно, а тут выпадал такой подарок. С ней он не думал об опасности. Выходили из подземелья прозаично – под срез обрыва, открыв наклонную дверь в противоположную сторону, на восход.

Недельная подготовка пролетела мгновением. За это время они с Зоей бывали дома, приносили мешки с грибами. Марья Ивановна, удовлетворённая присутствием Зои, не вдавалась в подробности их походов – она верила в версию о заготовках на зиму и с лёгким сердцем, в очередной раз, отпускала Мишу.

Минуя Ярцево, стороной прошли дожди – похолодало. В октябре лес наполнен пугающими шорохами. Облетающая листва создаёт ощущение крадущихся шагов – Миша осторожничал, но свои страхи держал в себе. С окончанием подготовки, получения и отработки всех инструкций, в сопровождении двух бойцов, их с Зоей вывели к границе болот. Оттуда, окольно, прошли до места самостоятельно – к мосту через Днепр.

До схрона, где полагалось спрятать рацию, Миша нёс оружие. В процессе подготовки он получил навык стрельбы из ППШ и сейчас ласково трогал его гладкий лакированный приклад. В тайнике, далеко в лесу, оставлялось всё, что могло скомпрометировать их перед новой властью. Дальше в город – на легальной основе. Зое в ноябре исполнялось семнадцать, Мише шестнадцать – в декабре.

В день прибытия они отметились в комендатуре, где и заявили о версии «поиск родителей». Проведя перекрёстный опрос, им поверили и выдали временные пропуска на десять дней. Чтобы не концентрировать на этом прибытии внимание, руководство партизанского подполья решило послать их задолго до предполагаемой даты. Поселились самостоятельно, найдя недалеко от станции, за килограмм муки, жилой сараюшко. Дедок, сдавший его, работал сцепщиком вагонов, и днём дома не находился.

Миша получил возможность дышать и жить рядом с Зоей, лежать свободно недалеко от неё. Он изучал лицо её до мельчайших подробностей. Он любовался ею и чем больше узнавал особенностей, тем больше ему желалось поцеловать её. Однажды Зоя лежала, а Миша сидел неподалёку, ему открылась её случайная грань. На подбородке, где лицо переходит в шею, в месте пульсации неугомонной жилки – он обнаружил рубец.

– Она опытна в подпольной борьбе, она герой, – рассудил про себя Миша.

Меж тем Зоя получила эту отметину в детстве у бабушки на качелях. Она не боялась высоты, часто раскачивалась в попытке достать до неба. Старая ветвь, куда вязалась верёвка, не выдержала. С высоты трёх метров Зоя приземлилась в чертополох. Сухой сучок пропорол подбородок. Больше месяца бабушка лечила её. Шрам остался аккуратной белой извилиной. Здесь не было ничего патристического, а вот полостная рана, недалеко от левой лопатки, которую Миша не мог пока видеть, действительно была получена при чрезвычайных обстоятельствах.

Незадолго до начала войны, в конце мая, округа наводнилась диверсантами всех мастей, население об этом в то время не оповещалось. Группа СМЕРШа скрытно вела свою работу. Зоя дружила с природой – она понимала язык полевых цветов, могла подолгу уединяться с ними. Девушка обратила внимание на подозрительного военного с кубарями лейтенанта, лежащего на взгорке, в траве, с хорошим обзором полотна железной дороги. От шороха её шагов он тревожно вскочил. Военный отряхнулся, улыбнулся ей, но холодно, странно, одними губами. Его взгляд звериной реакцией резанул по сторонам.

– Хорошо-то, как... – слащаво процедил военный.

Огляделся, и, как бы невзначай, стал приближаться к Зое.

Зоя унаследовала от родителей особый дар – чувствовать кожей опасность, многому её научила бабушка, она и открыла ей:

– Этот дар у нас по материнской линии, в тебе больше от отца – маленькую долю, унаследованную тобой, надо развивать. С возрастом ты сможешь видеть то, что вижу я с самого детства.

От тяжёлого предчувствия по телу пробежал болезненный озноб – Зоя схватилась бежать. Военный погнался и догнал её, совсем недалеко от станционных строений – там могли быть люди. Он спешил, и удар ножом пришёлся вскользь, не задев сердце. На её счастье, непо-

далёку проходил стрелочник, увидев удаляющегося военного и лежащую в луже крови Зою, он оказал первую помощь и сообщил о происшествии в органы. Работники дороги уже получали соответствующие указания.

Через неделю в задержанном диверсанта Зоя опознала того самого военного.

После больницы долечивалась у бабушки. Её лечебные мази имели чудное свойство – почти скрывали увечье: красный рубец притух, оставшись белой, но ощутимой извилиной. Зоя рассказала бабушке о своём видении, на что та восхитилась:

– Я знала, тебя не должен был миновать наш божий дар.

Во время лечения она многое узнала от бабушки. Например, та научила силой взгляда воздействовать на собеседника, подчинять его волю своей.

Даже после одной, новой для него особенности Зои, Миша стал с большей нежностью относиться к ней. Он предвосхищал события, опекал её, как маленькую, на что она заметила:

– Внешне мы больше походим на влюблённых, а вовсе не на брата с сестрой. Будь, пожалуйста, строже со мной.

Как же он хотел тогда, чтобы их обзывали – дразнили женихом и невестой, но шла война и самолюбие Миши грела гордость: именно его она выбрала своим помощником. Пытаясь найти свои привлекательные, скрытые особенные качества, он искал и не находил их, не отдавая себе отчёт, что пришла первая и главная любовь его жизни.

Матушка природа благоволила, оставаясь у них в помощниках. Если в прошлые годы, в это время, небо уже несло груз дождевых накоплений, и земля после первых затяжных дождей, до самых заморозков, до покрова не просыхала – в этот год природа изменила свой обычный ход, продолжая одаривать теплом. Насколько такая благодать может затянуться никто предвидеть не мог, как не мог предвидеть всё то, что подвержено силам свыше.

Их миссия внезапно, в один день разрешилась. Шёл девятый день пребывания в тылу у немцев. Утром во дворе раздался звук шагов – от неожиданности они насторожились – вернулся хозяин жилья. По случаю узнали: в честь немецкого праздника почти весь штатский персонал отпустили по домам.

Весь периметр станции был оцеплен, немцы, не ведая того, сами давали им подсказку. Оставалось узнать направление движения долгожданного состава и подать условный сигнал по рации. Соблюдая конспирацию, Миша с Зоей вернулись домой, взяли два лукошка для грибов и, сохраняя осторожность, отправились окольным путём за город, в район моста через Днепр. В тот тревожный год грибная пора выдалась на зависть. Без труда набросав полные лукошки грибов, они притаились в осиннике с хорошим обзором на мост. Сразу за ним шло разветвление путей. Паутина рельсов обзорно растянулась на север, юг и восток. С высоты холмистого берега Днепра хорошо просматривались его блестящие излучины, прямо перед ребятами лежал путь на восток – дальше сплошной лесной массив. Под углом пути расходились в двух других направлениях – здесь они получили пояснение о возможной инсценировке. С выбранного места ошибка представлялась маловероятной. За них всё рассчитали – место определили опытные старожилы-подпольщики.

Можно было догадаться о глубинной сути задания, но Миша занимался другим – он скучал и увлёкся поиском особенностей в лице спутницы – своей сосредоточенностью она ему не мешала. Один раз Зоя поймала его взгляд, погружённый за отворот вздыбленного воротника платья. Шутя, шлепнула по руке, закрыв оголившийся промежуток.

Состав показался после трёх часов пополудни – направлялся он не на восток, как предполагалось, а на север. Его проводили до стрелки и с последним вагоном двинулись в сторону тайника с рацией – не напрямую, а, как требовала конспирация, с множеством обманных направлений. Им вменялось дать в эфир, с промежутком в минуту, три раза один и тот же условный сигнал.

В точности исполнив все указания, двинулись в сторону болот, простирающихся на десятки километров на юго-восток. В пути слышали хлопок взрыва, следом разрывы сильнее и работу автоматического оружия. У полусгнившей гати, примыкающей к берёзовой рощице, на небольшом островке, им было предписано спрятать рацию. Лукошки с грибами оставили перед болотом. На открытом участке пути по ним ударила пулемётная очередь. Миша инстинктивно повалил Зою на землю и прикрыл собой. Пулемёт бил с высоты метрах в пятистах от них, по-видимому, заболоченное озеро, по периметру которого они должны были уйти, было под наблюдением. Пули смерчками вздымали водную поверхность, отсекая пути отхода. Отступив, они углубились в рощицу, хоронясь за частоколом стволов. Под сенью деревьев передохнули. Неожиданная опасность испугала – их обоих трясло, как в лихорадке, у Миши дёргалось под глазом – Зоя побледнела. Глядя на неё, Миша решил взять инициативу в свои руки. Он сделал вывод: хотя Зоя и старшая в группе, на нём, как на мужчине, должен лежать главный груз ответственности. Он готов был ценой своей жизни прикрыть её отход. Путь назад лежал к перешейку, но он плотно простреливался с высоты. Похоже, они недооценили немцев и их загнали в капкан.

– Нас засекли. Придёт ночь – появится возможность выйти назад незаметно, – постукивая зубами, с трудом выговорила Зоя.

В нужном месте закопали рацию. Начинало смеркаться. В лесу, опоясывающем болото, послышался лай собак. Пулемёт сместил огонь и теперь бил сбоку. Натываясь на стволы, пули летели беспорядочным веером, не давая возможности толком осмотреться. Мышиного цвета хаки, под прикрытием огня, замелькали между деревьями, остерегаясь сунуться на островок. Приближаясь, активнее заголосили собаки. Три пары озлобленных глаз обозначили свое присутствие алчным визгом, они устремились к ним по перешейку.

– Мы раскрыты! Стреляй, Мишенька, они разорвут нас! – приказала Зоя.

Миша тянул и, когда овчарки распластались в последнем броске, словно очнулся: дал очередь в упор по остекленевшим от злости глазам. У преследователей теперь сомнения не оставалось. Немцы рассыпались в укрытия. Что затем началось! Спасал уклон местности с небольшой ложбинкой. Воняющий болотом и сыростью мох обдавал их брызгами грязи, пули роем летели над головой. Их место нахождения быстро пристреляли.

– Надо бы поменять позицию, – сквозь свист пуль выкрикнул Миша.

– Скоро ночь. Должны же немцы когда-нибудь уgomониться... – постукивая зубами, пролепетала Зоя.

– Пока не высунуться, – с дрожью в голосе успокаивал Миша, прижимая Зоину спину свободной рукой к земле – Зоя послушно подчинялась. Миша хотел, но не мог понять, есть ли в его ожесточённо бьющемся сердце страх умереть, или это страх показаться слабым перед Зоей? Опытная Зоя предвидела исход, он же оставался в мальчишеском героическом угаре и совсем не думал о гибели.

С наступившим сумраком огонь резко оборвался, стали слышны немецкие команды, место над беглецами осветилось ракетами. Пришло время сместиться из зоны обстрела. Немцы понимали: из мешка не уйти никому, и, с очевидностью, готовили планы по захвату их живыми. По периметру болота зажгли костры, скулили в нетерпении собаки. После некоторого молчания по пристрелянному месту ударила пулемётная очередь, на перешейке разорвалось несколько мин – им отсекали пути отхода. По водной глади гиблого озера, на берегу которого они затаились, пошла мелкая рябь, сквозь набегающие тучи временами проглядывал огрызок луны.

– Два магазина патронов проблемы не решат. Отвечать бессмысленно – стрелять только наверняка, – решили они.

– Давай размышлять, – предложил Миша, глядя в упор в выразительные глаза Зои, – они могут закидать нас минами, но не делают этого. Из этого следует: нас хотят взять живыми.

Он вдруг востроился своей мысленной находкой, сжал Зоину руку, в речи проявился озноб возбуждения.

– Послушай, Зойка, я придумал – выход есть.

От напряжения их тела горели – одежда подсохла, но источала едкое зловоние сероводорода – этого они до поры не замечали, пока Мишу не пронял удушливый кашель. Задышавшись, Миша приблизился к лицу Зои и, спотыкаясь в словах, потряс Зою за рукав:

– Ты рассказывала о своих необыкновенных способностях... Включи чары, – с сарказмом атеиста съязвил он, – когда мы останемся в живых, я готов поверить хоть в нечистую силу. А пока я верю в собственный разум. Они оккупанты – правда за нами, с нами Бог – это на их стороне тёмные силы. Мне теперь всё равно – ты мне нравишься, я собирался... немного позже, года через два, после войны сделать тебе предложение. Ты пошла бы за меня? – неожиданно для самого себя расчувствовался Миша.

– Милый мой мальчик, если спасёмся, – ответила Зоя с нежностью, успокоившись, – я – твоя навеки.

Зоя притянула его лицо, и Миша почувствовал необыкновенную бархатистость её губ. Дыхание источало запах парного молока. Она целовала его, как любящая сестра при прощании, а Мише хотелось другого поцелуя – он неумело отвечал, пытаясь вложить в её губы другой смысл.

– Мишенька, отсюда выхода нет, завтра нас схватят и будут пытать, – почти простонала она.

– У нас есть всего один, очень маленький, но шанс! – приобнял её Миша.

– Дай мне вдохновения. Можно тебя... крепче обнять?

Зоя без промедления сама обняла его. Они сидели, прильнув друг к другу – прерывистое дыхание Миши выдавало огромное волнение. Ему казалось: Зоя слышит лихорадочный стук его мыслей – чего доброго примет за страх. Немцы не стреляли. Доносились обрывки речи, визжали собаки.

– Скажи, Мишенька, не томи, что ты придумал? – востроилась Зоя через начавший бить озноб.

Взлетела осветительная ракета – по островку прошла длинная очередь. К полуночи и собаки и немцы утомились. С завидной периодичностью над ними повисали осветительные ракеты.

Видя, как Зоя дрожит, Миша забрался к ней под тужурку. Нечаянно коснувшись одного из заветных бугорков, отдернул руку и начал растирать ей спину. Рука почувствовала шероховатость. Он гладил рубец – коснулся места шрама – Зоя не сопротивлялась.

– Что это? Откуда у тебя шрам? – осмелился спросить возбуждённый Миша – от прикасания к ней его начала бить лихоманка. Он не дрожал так даже от страха.

– Об этом потом!... – опустила глаза Зоя.

– Расскажешь позже. Наш выход один, и он единственный! – отчеканил по-военному Миша.

При свете очередной ракеты он показал рукой на сверкнувшую гладь болота.

– Открытую воду, клочки камыша, что у того берега, видишь? Немцам к ним не подойти – там, определённо, топь. Надо выбираться именно туда, под нос к ним.

По берегу торчала срезанная пулями поросль камышовой осоки. Миша сполз туда и жестом приказал потерпеть. Назад вернулся изрядно промокший, закрывая рот от вырывающегося кашля. Миша тащил за собой два длинных ствола – коренные растения тащились с трудом вместе с белыми луковицами, источая зловоние сероводорода.

– Совсем недавно я прочитал интересную книгу. Во времена татаро-монгольского ига русские воины скрытно пересекали водные преграды, оставаясь незамеченными. Как тебе это нравится?

Зоя загорелась, но быстро обмякла:

– Трясина кругом...

– Трясина слева – справа озерцо. Засосёт, если наступать ногами – мы станем ползти.

Несколько минут Миша возился с принесённой осокой – затем разделся.

– К рассвету мы будем в камышах, под самым носом у немцев – там нас явно не ждут. Холодно, но в воде одежда не греет. Раздевайся!..

Зоя помедлила, но покорно подчинилась. На ней остались смешные, растянутые книзу трусики – торс прикрывала майка.

– Майку придется тоже снять – при движении она может оставлять след на поверхности, – стиснув зубы, приказал Миша, – давай продышимся – кашлять нельзя.

Зоя и здесь безоговорочно подчинилась. Она застыла перед ним на коленях, пытаясь закрыть скрещёнными руками белеющие наливным яблочком груди. Застеснявшись, отняла руки и повторила всё в точности за ним. Грудь магнитила Мишин взгляд: он содрогнулся своей решительности, невиданным для себя зрелищем. С трудом оторвал взгляд и полез в воду головой вперёд, подобно атакующему крокодилу – Зоя немного погодя, как условились, за ним.

Трясина заканчивалась на трети островка. Перед выходом на открытое пространство Миша остановился и жестом показал: «Я сам». Он сполз за кромку грязи и медленно ушёл под воду. Зоя вблизи слышала клёкот дыхания его трубки, дальше звук пропал. Она двинулась за ним. Находясь под водой, Миша слышал звук очередей, судорожно сжимался, ожидая шквал огня на себя, но это были выстрелы устрашения и велись в обычной интенсивности. Ткнувшись лицом в растительность, Миша сообразил: он у цели, осторожно углубился в камыши – дальше наблюдал за медленнодвигающейся Зоиной трубкой: «Хотя бы не закашлялась».

Ночь опустилась на болото – луна плыла тусклым пятном в облаках, мгновениями играя бликами в блюдцах открытой воды.

Камыши покоились изреженными клочками – при свете дня их могли увидеть там, и они ещё не знали, сколько смогут отсидеть в холодной воде, не представляли пока, как сумеют весь день дышать через трубку. В любом случае другого выхода не было – иначе смерть. Пробирала дрожь, но скорее нервическая, холод не чувствовался – грело нечеловеческое напряжение и надежда на спасение. Сердце моментами заходилося радостью: главная часть замысла удалась. Зоя подплыла вплотную, одышно согрев Мише лицо:

– Мишка, ты гений...

Её начал душить кашель, но выпущенная пулемётная очередь, на их удачу, скрыла его. Здесь не пахло сероводородом, и дыхание постепенно пришло в норму.

Всю ночь до рассвета они усердно растирали друг друга. Миша не мог понять, почему на самом краю жизни он так рад случаю дотрагиваться до неё. Он слукавил, употребив возможность тереть её тело везде: и нежную часть ног, и спину, и живот, и бёдра. Зоя делала с ним аналогичное. Начисто пропал обуявший поначалу страх, ушли мысли о возможном провале – в эти страшные минуты Миша больше хотел знать, о чём думает Зоя, сможет ли она полюбить его так же искренне, без оглядки на обстоятельства?

...Начали проявляться береговые очертания, сник ветерок, пропала маскирующая рябь водной поверхности. Обнявшись, они нырнули, готовясь прожить под водой весь долгий день. От волнения не хватало воздуха – хотелось вдохнуть полной грудью, но потом придышалось. Перед островком камыша раскинулся топляк, приблизиться к ним не могли – до устойчивой суши оставалось как минимум сто метров. Вода – отличный проводник, в этом они убедились воочию – с рассветом началось светопрествление. Под прикрытием кинжального огня немцы двинулись на островок. Автомат Миши, утопленный в береговой осоке, молчал. Начал донимать озноб уже от холода – отнимались пальцы, вначале на ногах, потом и руки потеряли чувствительность. Конвульсии под водой не согревали – вначале было зверски холодно, потом пропало всякое ощущение – всё тело сделалось не своим. Миша плохо чувствовал неживые

руки Зои, пожимал задубевшими пальцами её пальцы – она легонько отвечала. На поверхности резко затихло – наступила зловещая тишина, а в ушах стоял звон миллионов колокольцев. Миша приоткрыл глаза и содрогнулся – сквозь ржавую призму воды в лицо ему вперилось два беленьких образования. Он дотронулся одного из них и не ощутил прикосновения. Пальцы торчали бесчувственными рогатками. Поверхность воды пока светилась, значит, ночь ещё не пришла. На мгновение сознание Миши отключилось, наверное, только судорога усилия не позволила выпустить из губ ствол осоки. Зоя слабо, но реагировала на его сигналы. Насколько мог, Миша подбадривал её толчками деревянных рук. В какой-то миг, сквозь резь произвольно открывшихся глаз, он не увидел поверхности воды.

Совсем не чувствуя тела, Миша вынырнул. Ночь только наступала. От большой порции воздуха перед глазами поплыли кровавые круги. Трубка Зои слабо сопела. Не ощущая прикосновения, Миша приподнял её тело. Останься на берегу кто-то из немцев, всё бы закончилось плачевно – Зоя громко закашлялась – голова безжизненно упала на Мишину грудь. Он и сам с невероятным усилием держал на ногах ватное тело. Зоя болезненно вытянулась и обмякла – она потеряла сознание, но продолжала дышать. Миша, почти не ощущая прикосновения, с ожесточением начал тереть её тело. Зоя поперхнулась и закашлялась вновь – большие её глаза рассеянно смотрели в небо.

Имей немцы хотя бы малейшее сомнение, выставь посты – возможность наших героев была бы исчерпана до предела.

В условленном месте Зою и Мишу ждали. До места встречи шли на подсознании: от ствола к стволу едва дотрагивались. Зоя падала – Миша ей помогал. Они падали оба, но снова и снова вставали и шли. Их уже не ждали, лишь выжидая условленное время – отсюда была слышна перестрелка. Дальше их несли на самодельных носилках – этого они уже не помнили.

Миша бредил – он извивался в желании растереть Зоино тело – перед глазами чередовались беленькие бугорки и чёрный потолок землянки – предметы извивались змеями. Им сделали всё, что было в возможностях партизанской медицины. Оставалась лишь всеобъемлющая надежда на неисчерпанные резервы молодого организма. Зоя больше не проснулась...

Сегодня она лежит на партизанском кладбище в глухом лесу, совсем недалеко от любимой бабушки. Миша выкабкался, выдюжил болезнь.

С окончанием войны на могиле Зои не увядали цветы. Теперь в этих местах выросло новое поколение – не стало Миши. Не часто, как хотелось бы, но в памятные дни печальный бугорок Зои вновь оживает людской памятью.

В долгожданный день Победы Мише исполнилось 19 лет. Но ещё раньше, после освобождения Белоруссии, его призвали в действующую армию. На фронт он не попал. До конца службы Миша восстанавливал разрушенные войной железнодорожные мосты.

Часть 2. Вера, Надежда, Любовь

*Если б мне всемогущество было дано –
Я бы небо такое низвергнул давно!*

Верочка

Глава 1

– Ваши мама дома? – незлобно, но возбуждённо выдохнул носатый грузин, вывалившись из своей «Победы».

На спокойном всегда, неживлённом перекрёстке волею судеб встретились пятилетний белобрысый мальчонка и одинокая машина. Неизвестно, кто испугался более: мальчонка или вопревший в одно мгновение водитель. Переднее колесо машины мягко прокатилось по пальчикам маленькой пухленькой ножки, не причинив видимого вреда, лишь оставив оттиск протектора на лёгких летних сандалиях ребёнка.

– Паслуши, кацо, как можьна пускать ребьёнка дарогу? – сердито пропыхтел покрасневший, как бурак, грузин, обращаясь к предполагаемым родителям.

Справившись с охватившим его оцепенением, он усердно вытер платком выступившую на лысой голове испарину. В машине он был один.

Редкие провинциальные прохожие, всегда жаждущие зрелищ, начали собирать толпу зевак, где каждому вновь прибывающему пересказывали случай, с каждым разом, фантазией рассказчика, обрастающий новыми деталями. Стоило водителю ступить ногой на землю, замерший до сих пор как вкопанный мальчонка схватился и со всех своих полненьких кривеньких ножек дал стрекача в сторону угловой усадьбы. Мальчонка с лёту шлёпнул двумя ладошками в гуднувшую набатом железную калитку, всполошив опёртую на изгородь, наливающуюся плодами тяжеловесную ветвь цитрусовых. Грузин в недоумении возвёл вверх две руки, поохал некоторое время, жестикулируя на публику и в конце концов, осознавая: слава Богу, всё обошлось благополучно. Напоследок, продолжая жестикулировать, эмоционально ругнулся, спасая свой престиж водителя, плюхнулся на сидение и очень медленно покатил восвояси. А мальчонка замер с другой стороны забора, сквозь щель наблюдая за событиями на дороге, готовый при малейшей необходимости спрятаться в лабиринте построек хозяйского двора. Собравшиеся на перекрёстке, явно озадаченные прозаичностью концовки, начали под громкие реплики расходиться.

Оживившийся по случаю перекрёсток стал обретать свою исходную значимость. Переваливаясь на рытвинах, запряжённая полудохлым спотыкающимся конём, проскрипела одноосная тележка, гружённая гравием. Управляющий унылым транспортным средством, известный в местечке шут и балагур Евгений – сын в прошлом состоятельного владельца винной монополии, тихо помешанный на почве несправедливой национализации, напевал скабрёзную песенку собственного сочинения: «Сана, сана, санастр...» – чем всякий раз вызывал усмешку окружающих.

Мальчонка частенько, так же наискосок, пересекал этот тихий перекрёсток, держа главной целью заветную калитку. Подобный казус произошёл впервые. До сих пор запретный вояж сходил ему с рук. Глубокая колдобина в самом центре улицы, в сочетании с витающим вокруг провинциальным духом, вполне соответствовала гоголевским страстям, а на фоне

спрятавшихся за глухими изгородями добротных домов в национальном стиле лишь придавала пейзажу некоторое видоизменённое толкование. В течение дня через перекрёсток проходило всего-то одна-две телеги да две-три машины, отчаявшиеся найти в другом месте лучшее полотно дороги.

Там, откуда пришёл мальчонка, располагался второстепенный хозяйственный двор – отдалённый придаток воинской части. Во дворе ржали кони. Соседствующая с двором стена барачного сарая не скрадывала перестука копыт, и семьи военнослужащих, нашедших здесь временное пристанище, день и ночь «наслаждались» жизнедеятельностью конюшни: матерно поругивались солдаты-коновожатые, шуршала солома, звучным водопадом опорожнялись мочевые пузыри кони. В заветных для подрастающих мальчишек трущобах начиналась жизнь молодых семей. Предостережения любящей мамы не могли сдержать мальчонку два раза в неделю не нарушить строжайший запрет: не ходить одному в гости через дорогу. Молоденькая медсестра – его мама, ещё не успела освоить всех азов кулинарного искусства. Пирожки с яблочным повидлом у неё получались на славу, а вот хрусткий хворост, с обильной обсыпкой сахарной пудрой, ей пока не удавался – он же его так любил. Стоило мальчонке войти в помещение – красивая черноволосая женщина с заблудившейся в висках ранней проседью с ходу ловко подхватывала его на руки, будто давно стояла в ожидании у двери:

– Кирюша, мой мальчик!

Во взгляде и откровенной от сердца радости, в её лице светилась любовь к этому наивному непорочному существу. Мимика женщины с усилием, и то лишь на мгновение, сделалась строгой:

– А мама тебя, мой милый, отпустила?

У мальчонки забегали два озадаченных мотылька глаз, он заюлил, хотел соврать, но не смог и только быстро-быстро захлопал белыми ресничками, выдавая себя с головой.

– Кирюша, я ведь просила тебя – дорога всё же! – быстро смиловилась женщина, крепко тиснув мальчонку к груди. От перехлёстывающей через край любви она не могла долго притворяться. Через минуту Кирюша уже уминал за обе щеки то, из-за чего натерпелся страху на дороге. Сквозь лёгкую пелену оставшейся на лице вины, он усердно морщил лобик, выбирая, с какого хвороста начать раньше: того, что с пылу-жару порумянее, или с того, что обильнее обсыпан пудрой. Дома его кормили вдосталь, но сладким не баловали, а страсть к сладкому брала верх над страхами: и от коварства дороги, и от усарых грузин, норовящих при всяком удобном случае ущипнуть за щёчку.

Тётя Вера – по совместительству кондитер-любитель. У хлебосольной грузинской семьи вот уже восемь лет после окончания войны она снимала комнатку, служившую ей и спальней, и столовой, и гостиной – всем, где протекала её состоящая из таких маленьких радостей жизнь. Она обожала гостей – всегда была рада им и, казалось, пекла только для гостей и своего любимого Кирюши – сама она сладкого не предпочитала.

Приятно вспоминать о тётке Вере, всякий раз окунаясь в светлый мир прошлого. Можно привести массу других достоинств тёти Веры, но эти воспоминания рожают слёзы от бессилия что-либо изменить и безвременной потери главной отдушины. И всё же без попытки открыть собирательный образ поколения проживающих жизнь, но не вкусивших достойной порции своего счастья не наступит удовлетворения от исполненного долга. Тётя Вера осталась ярким представителем огромной армии личностей, растоптанных временем. Родившаяся в год Октябрьской революции, для меня она стала символом известной эпохи. Прочитав эти строки, она, возможно, пожурит меня. На самом деле я никогда не слышал от неё и слова недовольства текущим временем. Чего там было больше: природной неприхотливости, умения увидеть наметившиеся перемены или её великодушия – можно только философски предположить. Главную роль сыграла закваска отставного царского есаула – её отца, своим железным духом вложившего большой смысл в данное ей имя – Вера. Двум другим её сестрам дали не менее

значимые имена – Надежда и Любовь. К сожалению, их поколениям до конца жизни так и не удалось вкусить положенной по статусу человека своей составляющей счастья. Того Главного Счастья, что сулила, всем без исключения, Конституция Великой России.

Глава 2

Пограничная застава, расположившаяся в распадке двух пологих хребтов, как раз на пути короткого броска из Турции, жила повседневной напряжённой жизнью. Обозрением с верхней точки одного из хребтов далеко внизу виднелась крыша казармы. П-образная пристройка здания предназначалась для офицеров и сверхсрочников с семьями. Несколько небольших комнат, соединённых общим коридором, являлись по сути той же казармой, с той лишь разницей – ночью члены семьи могли хоть как-то уединиться. Под нехитрым прикрытием фанерных перегородок, не стесняясь посторонних глаз, в короткие, тревожные всегда ночи молодые могли приласкаться, пошептаться наедине о раздирающих противоречиях большой политики, в спешном порядке отлюбить друг друга, получая кроху от того большого, принадлежащего по праву тебе.

Шестьдесят человек личного состава под командой капитана Макарова контролировали трудный участок границы, самый удобный для незаконного пересечения. В тяжёлом воздухе начала сорок первого здоровый горный климат на несведущий взгляд мог показаться раем. Всё, что происходило в предыдущие годы: мирные перебежки горцев по родственным связям, шалости косматых жителей леса – медведей, в добавку к мелким недоразумениям с оплошностью новобранцев – ушло в небытие. Нынешние нарушения пограничного режима редко обходились без стрельбы. Случались потери в личном составе. Отецеская забота командира, тонкое знание им особенностей местности и Закавказья в целом сводили на нет потери. Капитан Макаров – выходец из местных, из семьи учителей, осевшей здесь сразу после сепаратиста Ноя Жордания. Охвативший в то время большинство молодёжи патриотический порыв внёс коррективы в его жизненное кредо. Он не пошёл по стопам родителей. По природе Макаров не был шагистом – мягкий, покладистый, рассудительный – совсем не военный, только через восемь лет службы решился изменить курс судьбоносного вектора. Он сделал свой окончательный выбор: его призвание – не армия и не армейская карьера, а собственная внутренняя дисциплина и литература. Он поступил и успешно учился заочно в педагогическом вузе – единственном ближайшем, родственном своему выбору, учебном заведении. Все годы службы вёл дневник впечатлений, систематизировал груды внепрограммной литературы, заодно набирался житейского навыка, который не почерпнёшь и в самом престижном учебном заведении. Полностью закрыл четвёртый курс, на радость стареющим родителям. Он надеялся с окончанием института армию оставить. В эти тревожные месяцы весны сорок первого на учёбу не удавалось отвести и одного часа – моральной составляющей и свободного времени не оставалось. В череде напряжённых суток отвлечение для занятий виделось большим кощунством. Заставу лихорадило днём и ночью. Активизировались переходы диверсантов. Из-под пера его выходил не фрагмент его большого замысла, а ставшие системой рапорты в штаб. Капитан высказывал в них очевидные подозрения о готовящейся войне. Всякий раз его урезонивали и многозначительно просили молчать. По свойству характера, в докладе очевидного Макаров становился настойчиво упрямым – продолжал отправлять рапорты – в возбуждении случалось уходить от формы.

Что же касалось его личной жизни, взаимоотношений со слабым полом – здесь он пасовал. Ходить бы Макарову с его скромным нравом да с невысказанной правдой в отдалении от цивилизации в вечных холостяках, а его родителям – навсегда потерять надежду обрести внуков, если бы не господин случай.

В то время Макаров занимал должность заместителя начальника заставы. Спокойная обстановка позволяла выкроить время для подготовки зачётов в институт и закрывать планомерно сессию за сессией. Учёба давалась легко, особенно на фоне сокурсников – рабочих парней и девушек – помогал хороший школьный багаж. С блеском сдав очередной профилирующий предмет, в гордом одиночестве он вышел прогуляться на Приморский бульвар. Шурша гравием аллеи, Макаров плыл в радужных воображениях, как сентиментальный школьник. Перед ним отливало красками небосвода море, нащёптывая развязку романтического сюжета будущего литературного бестселлера. К тому времени Макаров баловался, пописывал. Всхлипывание сбоку вернуло его в реальность. На лавочке, в густой тени раскидистой магнолии, уткнувшись лицом в колени, плакала миловидная темноволосая девушка.

Стройный, аскетически скроенный Макаров мог привлечь внимание женского пола, но в нередкой задумчивости представлялся скучным букой. Не выйдя ещё полностью из своего сюжета, он справился о причине слёз. Девушка испуганно сжалась, встретившись глазами с суровым военным, однако плакать перестала. Со своей бравой выправкой ему бы брать женские бастионы, а Макаров, потупившись от застенчивости, тихо спросил:

– Вас обидели?..

В следующее мгновение девушка с интересом посмотрела на лейтенанта-пограничника, так не похожего на её знакомого артиллериста. Горячий молдаванин вскружил голову одновременно двум девушкам. Девушку звали Верочка – она совершенно случайно увидела своего артиллериста гуляющим под ручку с другой. Договорённая встреча, или, по серьёзности его обещаний, свидание с ним, предстояло назавтра. Сегодня Верочка сокращала путь, возвращаясь с курсов кройки и шитья. Ей стало обидно до слёз, больше не за то, что её обманули – за другое, накатило за всё сразу. За сиротскую жизнь без родительского тепла, за тяжёлую опеку над двумя младшими сёстрами – за потерю мелькнувшего лучика счастья. В карих глазах Верочки загорелась искра мести, так похожая на волевые искры в глазах её безвременно ушедшего отца. В голове созрел дерзкий план. Внушаемый характер Макарова хлебнувшая на своём коротком веку Верочка вычислила сразу. Она кокетливо утёрла мокрые глаза, мило улыбнулась. Не изведавший женских коварств, лейтенант поддался на просьбу Верочки. Она решила проучить ловеласа-артиллериста – попросила проводить её по причине скверного самочувствия. Долго кружить под ручку с лейтенантом не пришлось – сладкая парочка сидела в обнимку на отдалённой скамейке. Верочка провокационно демонстративно прижалась к Макарову – проплась настолько близко, что старшина-артиллерист был вынужден подняться и поприветствовать старшего по званию. Верочка ликовала, поймав его потерянный взгляд. Так началась их история – её и Макарова, выросшая со временем в неброскую, но содержательную любовь. Они встречались не чаще одного раза в месяц – чаще не получалось. Лишь через год, выдав замуж среднюю сестру Любашу, со спокойной совестью, без «фанфар», во время очередной сессии Макарова они тихо расписались. Вскоре Верочка укатила в горы по новому назначению Макарова. Младшую, Надечку, взяла на себя Любаша.

Глава 3

Приученная к труду и активному образу жизни, от незанятости Верочка заскучала. Она искала и нашла выход своей кипучей энергии. Из купленных по случаю кусков ткани, что покоились забытыми свёртками по чемоданам жён сослуживцев мужа, Верочка кроила и шила фантастически модные блузки и юбки. Скоро с её же подачи на заставе закукарекали молодые петушки – в этом она нашла отдушину от безделья. В горах окрест, где располагалась застава, обильно плодоносили каштаны. До сих пор подспорьем к солдатскому столу служило мясо диких кабанов, жирующих на его плодах. Дефицита в нём не было, но в напряжённых условиях наступившего времени вылазки мужей на охоту стали небезопасны. Верочка буквально выжала

из начальника куста полковника Варшаломидзе машину – преподнесла ему выкладку расчёта, несущую явную финансовую выгоду. На откорм взяли молодых поросят. Верочка организовала заготовку каштана и желудей – вековые деревья кольцом опоясывали заставу. На даровом подножном корме свинки быстро набирали вес. К сырому застоявшемуся воздуху ущелья ближе к обеду примешивался аппетитный запах сдобренной мясом солдатской каши. В маленьком, закрытом от мира гарнизоне трудно скрыть изъяны личности – у Верочки, казалось, их не было. Её любили за универсальность, за весёлый нрав, за трудолюбие, за умение сострадать чужому горю. Ко времени, когда Верочка отяжелела ребёнком, подсобное хозяйство успело встать на хорошие рельсы. Бойцы-пограничники, выходцы из села, со знанием дела, в свободное от нарядов время, не без удовольствия несли там общественную нагрузку.

На последнем месяце беременности Макаров отвёз Верочку в селение к своим родителям. При амбулатории села существовала небольшая больничка – там она и собиралась рожать. Застава находилась в субтропическом поясе, но в горах географическое местоположение было смещено климатически – здесь, в отличие от равнины, и в мае ночи оставались холодными. В редкий полдень по затишкам ненадолго припекало. Стойкое тепло приходило внезапно, когда холодный тягун со стороны Эльбруса отворачивал, и обычно достигало апогея к началу августа. Жаркое южное солнце быстро навёрстывало долги, успевая за короткое время и под вековой кроной иссушить дерновой слой. Многочисленные малые ручьи, набухшие с таянием верхних снегов, проваливались вглубь к недрам, оставляя напоминанием о своём существовании извилистые сухие каменистые русла. До конца сентября короткая, но изнуряющая жара загоняла лесных обитателей к редкой теперь воде, там мрак непроходимой лесной чащобы бережно хранил её нежное перешёптывание слезящимися перекатами. Ночь в горы приходит внезапно, стоит солнцу уйти с небосклона. Вся живность леса активизируется с приходом темноты – запахи жизнедеятельности человека привлекают её внимание. Склоны гор, едва сумрак успевал сковать их полным мраком, просыпались заунывным причитанием шакалов. В промежутках их тоскливая переключка дополнялась тьяканьем лисиц да страшилками умудрённого лесной жизнью филина. При кажущейся дикости окружения чувствительные люди и в этих условиях находили свою особую радость. Макаров относился к плеяде тех счастливых людей, что упивались буйством лесной жизни.

Май отсчитывал последние дни – Верочка уехала неделю назад. После её отъезда Макарову не хотелось бывать дома – он умышленно задерживался на службе. Уютное гнёздышко перестало без Верочки быть таковым – оно его не влекло. Одно напоминание о руках Верочки вызывало отупляющую слезливую тоску. Верочка вошла в его жизнь прочно и навсегда. До Верочки Макаров мог долго общаться со старым дубом как с живым существом – с появлением Верочки его жизнь окрасилась ореолом счастливого быта. Теперь он не искал возможности заскочить домой и тоску гасил службой, часто выполняя обязанности подчинённых. Возвращаясь под утро с дальнего дозора, Макаров падал от усталости и быстро засыпал, часто не раздеваясь, иногда даже забывая ослабить портупею. Отъезд Верочки ещё более ужесточал время. Не получая от руководства морального удовлетворения, капитан пытался философски подойти к осмыслению времени. Тревожные вести с западной границы он напрямую связал с активизацией нарушителей на приданном ему участке границы. Под давлением свыше Макарову пришлось отправить в отпуска нужных сейчас опытных следопытов-сверхсрочников. Возможно, именно поэтому задержания вживую не удавались. В отпуск демонстративно препроводили группу, костяк отряда. На осмотренных после перестрелок трупах нарушителей стали обнаруживать рану в затылке. Вероятнее всего, кто-то боялся утечки информации. Обстоятельства требовали экстренных мер, а руководство твердило о провокации. Наивный Макаров выходил из себя, это создавало общую нервозность. Несмотря на увещевания и откровенные одёргивания начальства, он бомбил центральное управление региональных пограничных отрядов тревожными рапортами.

В ночь на первое июня Макаров сел за очередное «творчество», включил весь опыт психологических познаний, устранил из обихода всякую злость за непонимание. После активизации нарушений вдруг наступило настораживающее затишье. Перед этим выдвинутые дальше дозоры он укомплектовал и проинструктировал сам лично. Зрела мысль, что те, «кто-то», нащупали слабинку на стыке застав, та сторона готовит крупную силовую акцию. Свои соображения он передал по инстанции раньше, а сейчас сидел перед чистым листом бумаги, умоляя о целесообразности нового рапорта. Макаров понимал, что может выглядеть в чьих-то глазах карьеристом – было вдвойне обидно: командир отряда Вахтанг Варшаломидзе прекрасно информирован о его планах на дальнейшую жизнь. Они оба выходцы из одного селения, с разницей в возрасте десять лет. Мама Макарова выпускала из школы шалопая Вахто. Сам Макаров хорошо запомнил тот день – первое сентября, свой первый учебный день в школе. Вахто прошептал ему тогда на ухо что-то смешное, ободряюще-дворовое. После первого звонка первоклашки двинулись в здание школы рука об руку с выпускниками – у них в селении накануне была выстроена двухэтажная красавица школа. Коренастый Вахто поднял его на своё плечо и, одного из всех, на высоте своего роста, внёс в класс, усадив за первую парту. Макаров так и просидел, с его лёгкой руки, все одиннадцать лет за первой партой, всегда был на высоте и окончил школу с отличием. Отношения земляков до последнего времени оставались дружескими – до последнего рапорта, в котором Макаров пригрозил ему за преступную осторожность – рапортовал в Москву, в Комитет пограничной службы.

Глава 4

Солнышко приятно ласкало лицо. Верочка, расслабившись под его весенним магическим воздействием, закрыла глаза. Она сидела на лавочке перед домом родителей – в животе отдавались толчки ребёнка.

– Сынку не терпится появиться на свет, – подумала Верочка и поменяла положение тела – толчки несколько затихли. Отставив назад руки, подставив веселому зайчику огромный арбуз живота, она наслаждалась, пожалуй, первым таким ясным днём после затянувшейся дождливой весны. В открытую дверь комнаты «тарелка» доносила слова марша: «Броня крепка и танки наши быстры...» От сковавшей неги и следующей за музыкой успокаивающей тирады диктора Верочка на мгновение провалилась. Рука во сне надломилась – её больно качнуло на сучок старой алычи, под сенью которой приткнулась потемневшая зимней сыростью лавочка.

– Как старая лошадь в стойле, – обругала себя Верочка проснувшись, потирая засаднивший бок. На уклоне улицы, за несколько домов ниже, жила Натела – жена колхозного бригадира Реваза, тоже на сносях, с небольшой разницей в сроках беременности. Натела носила второго ребёнка – первой была девочка. Её муж бредил мальчиком. К ней-то Верочка и отправилась в гости. Натела нежилась на лавочке во дворе под хурмой – выглядела уставшей, подавленной, беленькое миловидное лицо подурнело. Ей тяжело давались последние дни ожидания. С появлением Верочки Натела воспряла духом, доброжелательно улыбнувшись подруге.

– Какой замечательный день сегодня! – произнесла с состраданием Верочка, прильнув к её щеке, – устала, милая моя, потерпи – немного нам осталось.

– Ох, Верико, хотя бы мальчик – третьего я, боюсь, не выношу. Ослабела совсем. И Резо извёлся, по работе никуда далеко не ездит – болеет за меня. А как ты, Верико? – взяла она руку Верочки в свою.

– Да ничего, всё проходит штатно, как говорит мой капитан. Громит меня изнутри, рвётся на свет божий.

– Повезло тебе, Верико, с мужем. Его родители русские – какие душевные люди. Муж твой мягкий, а как дисциплину на заставе держит. Любят его солдаты – все знаем...

– А другие русские хуже? – улыбнулась Верочка, зная её отношение к русскому пьющему контингенту.

– Нет, нет, я не об этом... все хорошие. Родители русские, а грамотнее нас говорят по-грузински – интеллигенты.

К ним подошла свекруха Нателы – вся в чёрном – не сняла ещё траур по убитому месяцу назад в перестрелке брату. Местное ополчение помогало в зачистке леса пограничникам. Она осторожно присела на лавочку с краю от них.

– Что гаварит началство? – с сильным акцентом обратилась она к Верочке. – Будит вайна или не будит? Радиво все хараше, а чемо дзма любимый погиб? Утхари чеми, Верико, скажи мне... Три швило у меня, савсем баюсь. Как жить dalje?!

– Не бойтесь, Маквала деида. Ну гешиниа, – дополнила Верочка по-грузински для большей убедительности. – Наш Великий земляк не позволит начаться войне.

– Камарджобат, – как из-под земли вынырнула к ним, поздоровавшись, любопытная соседка.

Услышав тему разговора, она продолжила по-русски.

– Все гаварят: будит вайна. Вайме, Анзори привезли дамой убитой. Пять месяцев служил всего. Ево атец жить типер не хочет – сам устроил сюда службу, лучше хател – адин сын, – закончила она эмоциональную тираду.

Верочка привыкла к вопросам местных жителей – оплот и защиту они искали у русских. На многие вопросы большой и малой политики она давала ответ, по простоте душевной открывая посторонним людям все домашние разговоры.

– Что мне вам сказать? – вздохнула тяжело Верочка, – сами видите, как тяжело на границе, но наверху почему-то не шевелятся – все толкуют о провокации. Боятся после «Пакта о ненападении» любого значительного перемещения войск.

Соседка и свекруха с почтением слушали Верочку, не всё понимая – Натела им перевела. В ответ они одобрительно закивали головами.

– Вай мэ, эсли Иосиф нас не защищать – Россия ещё хуже, – заключили они, не сговариваясь, хором.

Удовлетворённая, или нет сведениями из достоверного источника, соседка двинулась разнести кумушкам новую весть. Свекруха, всплеснув руками, заспешила на кухню – оттуда тянуло запахом подгоревшего лобио.

Глава 5

Капитан вошёл в пустую комнату – в лицо пахнуло затхлостью давно не проветриваемого помещения – он распахнул створку окна. Шёл третий час ночи – невидимые горы зловеще затаились. При вечернем разводе наряда Макаров инструктировал сам: поделился с бойцами своими наблюдениями, по-отечески озвучил тонкости, как бы он сам повёл себя в той или иной ситуации. Капитан внушал не слепое выполнение инструкций, призывая, соразмерно с обстоятельствами времени, открывать возможность действовать творчески, ибо враг всякий раз действовал с изощрённой фантазией. И без общих фраз он читал в лицах следопытов готовность мыслить и побеждать. Ночные боестолкновения подтянули личный состав. От ощущения витавшей в воздухе беды всё общение между собой стало немногословным – пугала ставшая большей частью повседневности неизвестность. Последние несколько ночей «музыкальное» сопровождение зверья пропало – всё страдающее и страждущее даровой пищи словно окаменело в разбросанных над заставой склонам молчаливых валунах. Редкая сова, пугая внезапно, зальётся гомерическим смехом, да твякнет не попад молодой шакал. Макаров представил себе вид сверху, со стороны валунов, жёлтое пятно заставы. До сей поры он не задумывался, насколько заставка уязвима, а сейчас представил и ужаснулся: она переставала быть символом

защиты страны. Без дополнительных мер их легко нейтрализовать. Мало-мальский покой во всём зависел от чётких и умелых действий верхних секретов. Капитан не понаслышке знал о коварстве горцев. Он здесь родился – он мог думать, как они. «Прежде надо эффективно охранить себя, затем обеспечить неприкосновенность границы». Декоративная составляющая службы давно ушла в небытие. «Мне бы роту обученных солдат с автоматическим оружием... Тяжело физически – недосыпает личный состав. Из окрестных лесов ушло зверьё, где-то идёт ночная концентрация сил. Нашупывается слабое место на стыке застав?»

Слабым местом Макаров считал стык его и заставы майора Лунева. Сложный рельеф, сплошной лесной массив с шумными речушками создавали все к тому предпосылки. Помимо общих, спущенных сверху инструкций, он решил совместно с Луневым предпринять несколько превентивных вылазок. Решил лично возглавить группу осмотра маршрута к заставе соседа и на месте согласовать общие с ним действия. Лунев – выпускник того же военного училища, что заканчивал Макаров, только годом раньше. С Олегом они не особенно дружны – эту некоторую сдержанность в общении Макаров приписывал весёлому нраву Лунева, тогда как сам не любил шумных сборищ. Чёткое следование Уставу на границе ему казалось недостаточным. Каждый следующий тактический шаг мог быть противником предвосхищён. Вслух этого не скажешь, а при разных подходах трудно взаимодействовать высокоэффективно. В важном для общей безопасности решении он выбросил всякое личностное. Успокаиваясь перспективой, Макаров стянул с ног плотный хром голенищ, расстегнул китель – на галифе сил не осталось. Оставшись в них, он вытянулся на койке – освобождённые от оков ноги расслабили. Так и провалился. Проснулся от стука в дверь – напряжённые нервы не давали глубокого сна. Мелькнул глазами по часам – четыре сорок пять.

– Товарищ капитан, разрешите доложить...

– Входи, Фёдор, – узнал он голос сержанта.

В дверь просунулась голова дежурного по аппаратной белокурого белоруса Фёдора Пигулевского.

– Что стряслось? – не дожидаясь ответа, начал одеваться капитан.

– Пока ничего, но есть странности: пропала на некоторое время связь с соседями. Помежем там Валерка, земляк мой – знаю его как самого себя, странно как-то он отозвался на сбой связи.

– По-тихому поднять весь комсостав, – распорядился Макаров, уже на ходу затягивая портупю.

Через семь минут два офицера, старшины и сержанты – всего десять человек – собрались в Красном уголке.

«Долгёхонько, черти, собираются. Однако жаль народ, и без доп. учений тяжело...» В этот раз он не вспомнил о нормативах, лишь многозначительно вздохнул, взглянув на часы. До сбора Макаров успел перекинуться с соседями по телефону и нашёл ответы дежурного неживыми, натянутыми. «А если говорит под дулом?» На контрольный вопрос: «Как дела дома?» – обычно находчивый молодой дежурный офицер сделал паузу.

– Всё бы терпимо, только мама болеет.

– Подозрительно: младший офицер в официальном разговоре никогда не пожалуется о личном – обязательно отчеканит коротким: «Всё в порядке!», – рассуждал Макаров вслух перед застывшими в ожидании лицами командиров. От него ждали распоряжений. «А если тяну пустышку? Да что там, решаюсь, за бдительность не судят!» Собравшись с мыслями, Макаров сделал чёткие распоряжения.

– Старшина Бернадин! Соблюдая фактор скрытности, окружным путём выйти с группой в тыл короткого перехода с сопредельной стороны.

Политрук Кондратьев! Составом мобильного звена обеспечить страховку ключевых постов. Скрытым дозорам усилить бдительность. Не проявлять себя до критического момента.

Лейтенант Дзюба! Обеспечиваете функции внешней связи – остаётесь главным смотрящим по заставе, с функцией самостоятельного принятия решения.

Макаров, оставаясь внешне спокоен, был уверен: именно такими распоряжениями он лишает всех возможности тактического переосмысления. Окинув подчинённых взглядом, не нашёл в лицах тени сомнения. Командиры застыли в решительном позыве.

– Я с отделением сержанта Авакяна, – продолжил он вкрадчиво. – Через горный переход выдвигаемся к заставе майора Лунева. Пойдём верхами, через перевал. Знаю, потеряем часы времени, зато исключим огневой контакт – там нас будут меньше ждать. Если у соседей ЧП, накоротке возможна засада.

В возникшей паузе Макаров будто чувствовал звук пережёвывания своих задач. Минуту он присовокупил и себе: «А всё ли верно?» Когда пришло полное удовлетворение, он дал команду к действию.

Через тридцать минут, растянувшись гуськом, двумя отдельными группами они вышли на исходную седловину опоясывающего заставу хребта. Макаров взял на себя сложную, базовую часть плана. Им предстоял длинный переход по переменным высотам, кабаньими тропами в соседний горный раздел. За пиками неприступных скал, на склоне извилистой расщелины, располагалась застава соседей.

Глава 6

Накануне Верочку отвезли в родильное отделение села Бешуми. Чувствовала себя она неплохо, но родители настояли – пошёл второй день просрочки беременности. Парнишка внутри неё больно перекатывался, толкался. Врач успокаивала:

– Так бывает, каждый ребёнок со своим характером.

– Как же так, – возразила удивлённая Верочка, – папа тишайший, слова лишнего не скажет, больше чувствует?

– У ребёнка, дорогая моя, смещение крови всех ваших предков. Настоящий джигит просится на свет, – продолжала, поглаживая плечо Верочки, врач, – потерпи немного.

При словах врача Верочка вспомнила своего несчастного отца, бывшего есаула царской гвардии, умершего у неё на глазах в вынужденном изгнании. Вспоминая прошлое, Верочка содрогнулась. Её, как и всех её сверстников, новая власть планомерно отдаляла от Бога. Любаша и Надюша вряд ли об этом помнят, и она от накатившего на неё страха вспомнила слова, часто произносимые мамой: «Господи, спаси, сохрани нас и помилуй». Пожалуй, так отчётливо в первый раз она вспомнила эти спасительные могущественные слова. Натела лежала в углу одной с ней палаты, у окна. Бледное лицо её выражало покой – она спала после перенесённых мук. За окном, во дворе, маячила беспокойная фигура её мужа – он всю ночь провёл на лавочке. Натела была очень слаба и ей провели кесарево сечение. Большой радостью для них с Ревазом стал долгожданный мальчик. Придерживая рукой расшалившийся живот, Верочка подошла к Нателе и поправила сползшую простыню. Мимо окна промелькнули фигуры незнакомых мужчин. Натела скрипнула кроватью – отрешённо заискала глазами и попросила пить.

– Верико, ты ещё носишь? – жалобно спросила, почти простонала она.

– У меня-то всё в порядке. Давай отправим Реваза домой поспать, – кивнула Верочка в сторону окна.

– Вай, ме... Скажи, что хорошо уже. Пусть идёт, – кисло улыбнувшись, послала она в сторону окна потеплевший взгляд.

Верочка постучала в стекло и подняла вверх большой палец – Реваз ответил белозубой улыбкой в полный рот.

– Шени чириме, – крикнул он, собрав пальцы в форму воздушного поцелуя.

В этот момент у Верочки резко заныло внизу живота. Усиливаясь, схватило так, что охватило жаром с ног до головы, перехватило дыхание.

– Началось... – лишь успела выдохнуть она.

От тянущей боли не узнала свой голос. Под сочувствующими взглядами её осенило: а ведь сейчас я одна на земле – остальное вне меня, в другом измерении.

– Мамочка, почему мне так больно? Господи, помоги!

– Тужься, кидо... ещё, ещё...

– Тебе больно, а ребёнку во много крат больней, – доносился из далёкого далёка чей-то успокаивающий голос.

Пространство перед глазами заколыхалось. Сознание покинуло её. Она не видела, как стало мертвенно бледным лицо акушерки.

– У ребёнка пропал пульс...

Сквозь проблески сознания всё, что застыло над ней белыми размывами, вдруг забегало, засуетилось. Верочке ввели снотворное. Красивое лицо её, до сих пор искажённое болью, расслабилось в блаженную мимику. Боль ушла, но в какое сравнение может пойти та, другая боль, когда она проснётся и узнает о потере ребёнка?!

Глава 7

По правилам классической операции на подходе к месту назначения капитан отправил вперёд разведку. Та вскоре вернулась, не обнаружив признаков опасности – после этого группа начала осторожный спуск к владениям соседей. В голове бурлило, как сезонная речушка, что пересекала их путь. «Они не обнаружены. Почему не работают дальние дозоры?»

Застава Лунева располагалась, в отличие от их расположения, в расщелине отвесных малодоступных скал. Подойти напрямую большими силами не могли.

– Вброд речку не взять, придётся переправляться по воздуху, это займёт дополнительное время, – рассуждал Макаров вслух.

Молоко тумана, залёгшего по распадкам скал, мешало детальному обзору. Но тут от отдалённых, покрытых снегом гор блеснуло солнце. Его лучи кинжалом вонзались в смог тумана, рассекая в рваные клочья. Макаров не мог отказать в удовольствии залюбоваться этой красотой: он вздохнул глубже, но неожиданно прекратил таинство. Ниже их высоты, над ущельем, откуда-то из мрака крон сорвался стервятник, расправив крылья, завис в планирующем полёте. Пернатый заметил их. Цепко схватив ракурс, приблизился на расстояние детального обзора. «Стервятника ничто, кроме нас, не беспокоит. Это уже хорошо». До начала движения Макаров, оставив бойцов, просочился ящерицей на обрывающееся к расположению заставы площадку. Окуляр бинокля поймал одинокий плац – на нём ни души. Создавалось ощущение чего-то нештатного. Мелькнувший на плацу белый колпак повара успокоил. Спускались медленно, держа в поле зрения серпантин дороги, ведущей к заставе. Для подстраховки Макаров разделил отделение на две группы, расстояние между которыми определялось соседними прицелками. Вверху они отстояли примерно на пятьдесят метров – внизу сходились в общий проход. Одну группу вёл капитан, другую – сержант Авакян. Ближе к реке пошли шибче – шум воды скрадывал шаги. Группа капитана держала курс по следам – по облюбованному ланью спуску к водопою. Увлёкшись рекой, капитан оступился – нога соскочила в углубление – под каблуком раздался взрыв. Почти одновременно с первым раздался второй и третий хлопки. Группа приникла к земле. В то же мгновение от места положения второй группы стрекотнула автоматная очередь.

– Группа Авакяна!..

Мячом перекатываясь по ущельям, потерялось в горах эхо. Все напряглись, осмысливая продолжение. Местность подсказок не давала. Стервятник, опасливо озираясь, отдалился на

почтительное расстояние. Через минуту-другую от места выстрелов в воздух взвилась красная ракета, сразу следом – зелёная. На языке принятых условностей это означало: «Ложная тревога». Капитан поднял группу в движение.

За переправой их встречали пограничники Лунева. Одна из пуль рикошетом зацепила руку старшего наряда – он сидел неподалёку, накладывая повязку. Пуля прошла по касательной. Инцидент произошёл из-за сигнального устройства, сработавшего на пути следования Макарова – его слышали пограничники Лунева. Не зная о второй группе Макарова, неосторожно проявили себя. У молодого солдата из группы Авакяна от неожиданности палец потянул курок.

Уже в расположении заставы с заместителем Лунева, старлеем Вырщикovým, разобрали инцидент в деталях. Проявились несоответствия в тактике. Лунев держался спущенных свыше, шаблонных действий, Макаров, ещё из опыта проживания здесь, знал: диверсанты местного разлива не просто хитры – они коварны, как дикие звери, их переиграть можно лишь тонким подходом. Заставы – как на ладони, нейтрализуй изученные стандарты. Неделя наблюдений плюс толика кавказской дерзости, и они, понимал Макаров, могли быть исключены как единица серьёзного боевого противодействия. В сложившееся тревожное время необходима высочайшая эффективность.

На месте Макаров узнал подробности, заставившие его двинуться в рискованный поход, оставляя на охранении лишь ближние к заставе подступы. Лунев с основным составом выехал на войсковую операцию по локализации бандгруппы на вероятном участке прорыва. Теперь картина складывалась в целостность: на участке Макарова шла отвлекающая имитация. Руководство боялось утечки информации – в таких случаях даже своих не всегда обо всём информируют. На личную инициативу Макарова не рассчитывали. «В атмосфере глупой междоусобной осторожности придётся держать перед Варшаломидзе трудный ответ». Кроме этого голову тревожили домашние мысли: «Как там Верочка?»

Глава 8

На третий день Верочке решились рассказать правду. Она по характеру не была депрессивной – до сих пор житейские неурядицы переносила стоически. Она смогла пережить смерть отца, скрывающегося с сёстрами от ока свирепствующей власти. Тогда ей было неполные четырнадцать лет. Поплакав в подушку, собралась, не раскисла. Сама вытягивала восьмилетнюю Любочку и двухгодовалую Надечку. Свалившаяся на неё очередная беда стала, как ни странно, её спасением. Именно беда не дала углубиться в физиологию страшной потери. Одни теряют всякий дальнейший смысл жизни, другие – редкие, как она, закаляются бедой.

В первый день после выписки из больницы за ней пришли двое в штатском, с осанкой и взглядом, не вызывающим сомнения в их профессии.

– Вера Макарова? Пройдёмте с нами, – без права на сомнение отчеканил один из них.

О подобных задержаниях по их приграничному району она слышала от мужа. Но в чём обвиняют её?! В том состоянии Верочка восприняла арест безразлично. Не задавая вопросов, под скорбный вид родителей, даже не спросив о необходимых вещах, Верочка, молча повиновалась.

В подвальном помещении школы её, и ещё пятерых несведущих о своей вине людей, продержали больше суток. Из задержанных – две цыганки. Ночью Верочка не сомкнула глаз. Цыганки же воспринимали задержание как нечто обыденное: громко требовали еды и питья. Соорудив из старых парт лежанку, всю ночь отсопели в сладком сне. Утром всех погрузили в крытый грузовик. После пяти часов тряски по горному серпантину вывели оправиться. Цыганки давали знать раньше, но их не хотели слышать, и они справлялись с нуждой в углу

кузова. Старший конвоир с кубарями старшины, открывший дверь, отшатнулся от запаха. Он с лёту наотмашь ударил по лицу замешкавшуюся на спуске Верочку.

– У-у, курвы, шпионить можете, а посрать по-человечески никак?!

Одна из цыганок начала угоднически прибираться.

– Начальник, мы ща-ас, угости табачком...

Рядом с Верочкой стоял другой конвойный. Прикрывая ушибленный глаз, она ждала очередного толчка, но солдат мягко заметил:

«На, покури, все мы люди...»

В подвальной, без окон, душной камере их сгрудилось человек пятнадцать разновозрастных женщин. Всем нар не хватало – камера рассчитывалась на восемь лежащих мест, матрацев – всего два. Три дня не трогали никого – на четвёртую ночь вызвали первыми цыганок, одновременно. Та, что постарше, вернулась быстро, громко возмущаясь на цыганском с русской матерной присыпкой, вторая – не скоро, вошла, согнувшись и громко охая. Следующей пошла русская, интеллигентная женщина средних лет. Цыганки заняли на двоих одни нары с матрацем – с возвращением вели нескончаемую словесную перепалку:

– Зачем, Мирка, подписала бумагу? В лагере теперь кантоваться на баланде пустой. Дура ты... дитёнок твой по рукам пойдёт, а муж истаскается. Учила терпеть. Не убьют и не покалечат сильно.

Мирка заплакала.

– Бил больно...

– Этот худой? Сволочь...

У Верочки от слабости и нервного напряжения закружилась голова – она стояла. Чтобы не упасть, приткнулась к нарам.

– Садись, родная, садись, – певуче пригласила наставляющая цыганка.

Верочка в полусознании ссунулась на колени Мирки.

– Приляг, вижу: плохо тебе... В машине видела твою ладонь – сына ты потеряла.

Верочка от её слов пришла в себя.

– Сиди, а эта дура пускай стоит. Ничего не сделали, за что посадят? Я им сказала правду. Чавелы никогда не шпионили – воровали немножко от бедности, а он мне в сиську, падла, и в живот. Чтобы он хлебом подавился, который грязно зарабатывает. Меня даже мой Васька в живот не бил, когда деньги немножко прятала. Этот курвец, молодой, а злой, как цепной пес. Не зря такой худой. Сдохнет он от моих проклятий в страшных муках.

– Мирка, Мирка, жидкая Мирка, зачем подписала признание? Чалиться теперь на баланде.

Женщина вернулась с гордо поднятой головой. Верочка попыталась прочитать по её глазам, но та смотрела в потолок. Звякнул засов – у Верочки задрожали колени.

– Макарова, на выход...

Вслед ей женщина шепнула:

– Не забывай – быют слабых.

Глава 9

«ЗИС» Лунева задействовали на операции – капитан с группой возвращался старым пешим маршрутом. Разделив, как прежде, отделение на две части, Макаров расставил группы на дистанции пятьдесят метров. Активизировались нарушители всех мастей – любая встреча в горах сулила глупую пулю. Вооружились и контрабандисты, даже те, что обычно «гуляли» через границу без стрелкового оружия. Тем, кто родился и вырос в этих местах, известны самые хитрые места перехода. Долгие разрешительные процедуры сопредельной стороной игнорировались. В глубине горного массива, близ границы, лежало несколько когда-то еди-

ных селений, некогда разделённых разной государственной принадлежностью. Демонстрируя достижения советской власти, селения на этой стороне контрастно благоустраивались, разительно отличаясь высоким уровнем жизни. Ярko освещённый в ночи, солидный, в стиле ампира сельский Дворец культуры магнитил завистливые взгляды потусторонней нищеты. Были случаи, когда в лучах утреннего солнца на центральной площади селения, задрав голову на сооружения, стоял в походном снаряжении, появившийся неизвестно откуда, заросший бородой горец. Таких совершенно безболезненно депортировали назад. Из опыта задержаний, по характеру перестрелки Макаров мог определить с большой степенью вероятности, кто перед ним. Яростнее всего отстреливались контрабандисты – стояли насмерть за своё добро. Нередко ставка делалась на одну ходку, дальнейшее существование стоило долговой кабалы. Попадая в окружение, сопротивлялись ожесточённо, последнюю пулю пускали себе в лоб. Там знали: следствие задержания заканчивалось сибирскими рудниками – та же смерть, но долгая, мученическая. Перед каторгой свободолюбивые горцы отдавали предпочтение смерти. Кому-то вылазки удавались, и это плодило новых авантюристов.

Макаров со своей группой шёл впереди. Слежавшаяся палая листва выстелила склоны слева и справа от седловины. Справа взрытой стёжкой прочертился свежий след зверя. Сомнения не вызывало: незадолго до их появления по склону ушла лиса. За пятьдесят метров от тропы чернело нагромождение вывернутого комля старого бука.

«Там ты, плутовка, пережидала дневной свет. Почуяла далеко за пределами видимости. Шумно двигаемся – расслабились», – рассуждал про себя Макаров.

Он остановил группу для десятиминутной передышки «на ногах», распорядился выдвигаться одному из следопытов за несколько метров от основной группы. При встречном ветре лиса должна была сигануть за спиной. По рельефу узнавались родные рубежи. Свои ждали их возвращения на большой тропе. Макаров получал возможность в очередной раз проверить надёжность выставленных секретов. Сбивающийся воздушный поток наносил из ущелья запах грибной сырости. По высоте, где группы подрезали склон, полоснул игривый прохладный ветерок – он донёс запах подмятой зелени – так пахнет бересклет. Капитан передал по цепочке «остановиться». Он заметил молчаливые знаки впереди идущего следопыта из сибиряков. Усадив всех на землю, капитан сблизился с ним.

– Товарищ капитан, посторонний запах, по-моему, медведь прошёлся по бурелому...

– Хвалю, Макар! Благодарю за бдительность! Да, бересклетом тянет. Стоим, пока не мелькнут фигуры передних вон в той прогалине, – он отмахнул кистью руки на разрыв опушки.

Молодые, глянцевого ещё листочки вызвали в глазах весёлую рябь. Хотелось прикрыть веки, остановиться, отдавшись воле тёплых лучей полуденного солнца. Поздняя весна предвещала жаркое взрывное лето, хотя сдержанно умеренный июнь таил в себе загадку. От отражённых солнечных зайчиков глаза пустили слезу. Время шло, а бойцы арьергарда не появлялись.

Глава 10

Двигаясь по тускло освещённому коридору со сцепленными за спиной руками, Верочка пыталась вспомнить свой грех. Как камешки в погремущке бились в голове мысли: «Прознали об отце? Царю и отечеству служили многие, что, все поколения враги? Я коварный враг?!» В череде отрывочных воспоминаний в короткое время, пока Верочка шла по коридору, мелькнуло наболевшее, но что оно в сравнении с личным горем. С приближением к кабинету накатывало зло. Конвойный мягко тронул Верочку за плечи, стоило ей остановиться. «Зачем всё это? Как испытал меня Бог, любое другое испытание – проверка на прочность».

Верочка вошла в кабинет к следователю, ожесточившаяся от земной несправедливости, без следа, растеряв в лабиринтах коридоров, обуявший было страх.

«Быют слабых», – повторяла про себя напутственный наказ женщины.

Взглянув на мрачного следователя, Верочка не нашла в его лице и капли сострадания. Брызжа слюной, он нёс какую-то чушь. Спрашивал о связи с подпольем, содействии в сдаче секретов государственной границы. Просил назвать не всех – одно-единственное имя, связи, через которые передавала услышанные от Макарова секреты. Верочка смотрела на него безразличными остановившимися глазами. Этот бред слился в единый шумовой эффект. Очнувшись Верочка от взвизгнувшего голоса следователя, перешедшего в крик.

– Вы ставите на карту жизнь всей семьи. Мы знаем о вашем прошлом. Желание сотрудничать и больше ничего, взамен на благополучие мужа.

– Макаров ни при чём!

– Умница, правильно, ни при чём, – обрадованно прошептал следователь. – Ты сама, не зная последствий, трепалась кому-то в разговорах?

Дальше Верочка перестала реагировать на его ухищрения.

– Ладно, на сегодня хватит. Завтра я надеюсь на благоразумный разговор. Сочувствую вашему горю. Уверю: после вашего правильного решения всё закончится очень быстро.

Тут Верочку прорвало. При напоминании о ребёнке она не выдержала:

– Не лезь хотя бы в мою личную беду...

Договорить он ей не дал – огромная костлявая пятерня сдавила ей горло. В глазах потемнело, но напряжение сохранило сознание. Следователь в озлоблении пнул ногой стул, на котором Верочка сидела – стул скрипнул и развалился – Верочка упала на пол.

– Увести! – крикнул он в дверь.

На пороге Верочка почувствовала невыносимую слабость... Очнувшись в камере на нарах. Женщина смачивала её лицо, шептала ободряющие слова, цыганка в ногах причитала:

– Падла буду, жрать землю буду – бумагу не подпишу. Мирка, возьми слова назад, лучше пускай убьют. Сучонок, я ему глаза выцарапаю, за хорошее дело никакая Сибирь не страшна.

На следующий день камеру не трогали, утром не вывели вынести парашу. Солдату-охраннику, раздающему вечернюю похлёбку, цыганка с сарказмом предложила:

– Заходи, милок, погуляем – параша полная готовой бражки.

Вечернюю пайку хлеба пожевали одни цыганки. Чайной бурдой Верочка только смочила пересохшие губы. Солдат оказался из добрых – невзначай шепнул в окошко:

– Гитлер пошёл войной на нас. Сталин, говорят, застрелился – обращение читал Молотов. Глядишь, послабление вам светит...

Камера замерла. Первые мгновения каждый думал о своём – молчали и словоохотливые цыганки. Верочка вспомнила вещие слова Макарова: «Ждёт нас, Верунчик, с Запада большая беда. Не просто так турки обнаглели, прёт через границу мразь всех мастей, как шакалы на обескровленный организм, а наверху не чешутся».

Зловещая тишина прервалась завыванием Мирки:

– Вах, что теперь буде-ет?!

В мгновение, как заведённая, камера загудела на все тона. Раздавались мнения и комментарии к другим конфликтам.

Входило в историю 22 июня 1941 года – первый скорбный день миллионов людей, день, начавший роковой отсчёт миллионов судеб. Верочка первым мысленным позывом рванула на защиту Отечества. Ни на мгновение она не вспомнила обиды на власть. Верочка была плотью от плоти своего отца, многое унаследовала от его характера: прежде – это умение сконцентрировать силы на главном, затем – не распыляться в трудную годину. Высокий чин отца и связи давали возможность выехать с отступающими войсками в Константинополь, вывезти туда семью, что сделали два его родных брата, но он остался. Отец был верующим человеком, настоящим патриотом, стоял за царя и Отечество не за сребреники – по воле сердца. Последнее его слова у Верочки остановились в сознании – это были не слова отчаяния или сожаления. Работая последнее время сцепщиком вагонов на товарной станции, отец получал крохи, недо-

едал. С воспалением лёгких получил осложнение. На четырнадцатилетнюю Верочку, кроме двух сестёр, свалились заботы об отце. На лечение зарабатывала несовершеннолетняя дочь. Отец всё понимал – он перестал бороться с болезнью и умер. Перед кончиной бывший казак, командир подразделения охраны царя, хотя бывших казаков не бывает, наказал Верочке сохранить сестёр, поцеловал её и, задыхаясь, надрывно произнёс:

– Умираю с чистым сердцем, пусть на задворках, но родной отчизны...

Больше он не издал ни звука, перевалился на левый бок и затих. Наутро Верочка обнаружила его холодным.

Глава 11

Макаров сжался в комок нервов – надо принимать решение. «А если засада?» Решение созрело мгновением. Ещё раньше он обдумывал возможный вариант, хотя в глубине души надеялся на благополучный исход. Он повернул назад, чтобы отдать команду бойцам – на долю секунды отрешился мыслями и от осторожного прикосновения сибиряка вздрогнул. Тот извинился, показывая рукой в сторону лесной прогалины – пригнувшись, её пересекали разведчики. Капитан готов был обнять бойца. Он знал всех подчинённых по именам и фамилиям, в себе же звал всех по именам. Этого бойца он звал – «Сибиряк».

– Спасибо, Макар, – поблагодарил он, расчувствовавшись, пожав двумя руками руку смутившегося солдата.

На лбу бойца бисеринками выступил пот.

– Уф-ф, товарищ капитан, я уж подумал... но, кажись, пронесло?

– Ты не один так подумал, – заметил Макаров, давая отмашкой команду к движению.

Он тут же послал сибиряка для связи с разведчиками, для выяснения задержки.

Из зарослей чертополоха, недалеко от места мелькнувших разведчиков, раздался страшный треск. На косогор, озираясь, выбежал косолапый. Медведь – это была крупная матерая особь – выразительно втягивал ноздрями воздух. Определив место опасного присутствия, медведь намётом, используя все четыре опоры, припустил восвояси. От его стремительного движения в стороны веером разлетались слежавшиеся листья. Все затаённое земное, виденное Макаровым в «секретах», вызывало у него восхищение. Для военного он слишком чувственно любил природу. При виде огромного, смешно улепётывающего медведя Макаров невольно восхитился.

До заставы оставалось совсем немного, каких-нибудь три километра. Вот и полянка, недавно расчищенная от однолетней поросли, на ней красуется родной полосатый столб с гербом. Группа двигалась практически в метрах от нейтральной полосы. Через километр широкая просека – там должны окликнуть свои. Макаров передал по цепи распоряжение: двигаться, строго соблюдая дистанцию. Группа прошла место скрыто расставленных сигнальных патронов. В районе разбитой в молнию сосны – розетка телефонной связи. До этого места не дошли десяти метров – из зарослей лещины ударил шквал огня. Капитана выцелили – первая же пуля попала ему в сердце. Готовились к встрече наверняка. Огонь вёлся на истребление. Немногие остались в живых. Авакян с группой, идущей в арьергарде, бросился на помощь – их-то не ждали. Неожиданный удар заставил напавших рассыпаться по лесу, оставив на поле скоротечного, как летняя гроза, боя четыре бездыханных тела.

Макарова похоронили недалеко от заставы. Он погиб в день начала войны. Русский народ помнит и чтит своих героев, и кто его знает, сохранился ли в новом грузинском независимом образовании затерянный в горах обелиск с красной звездой. В новоиспечённом государстве, где авторитет и своих-то национальных героев сильно пошатнулся...

Эпилог

– Верочка, нам некуда ехать, – печально скрестила на груди руки Надя. – Даже в войну мне не было так страшно. Как будем дальше жить?! – прошептала и горько заплакала.

– Не скулить, у тебя, слава Богу, все двигательные органы на месте. Приедет Кирюша и заберёт нас отсюда.

– Нет у меня морального права надеяться на его защиту, – сквозь слёзы всхлипнула Надя.

Безвременье, охватившее бывшую советскую республику, в которой Верочка так и осталась после войны, в первую очередь коснулось их, рождённых с клеймом несчастья в Великой несчастной стране. За Верочкой присматривала её младшая сестра Надя. При недостатке денег, в суматохе перестроечной лихорадки, боля сахарным диабетом, Верочка, а теперь Вера Иосифовна, лишилась обеих ног.

...В то далёкое военное лихолетье Верочку через три месяца отпустили на свободу. Причиной послужила начавшаяся война – гибель Макарова, а возможно, щупальцам мракобесия стали нужны жертвы весомее. Большинство людей преклонного возраста живут прошлым – Верочка не исключение, но завидного прошлого не случилось, как не случилось счастливого настоящего. Всю войну Верочка работала на швейной фабрике – шила гимнастёрки и галифе для армии.

В сорок пятом, после Победы, Верочка нашла могилу своего мужа. Из пограничников Макарова к окончанию войны не осталось никого. Никто не смог открыть ей подробности тех событий. Одно-единственное сохранившееся письмо с фронта, от сибиряка, открыло для меня некоторые подробности той операции. Верочка нашла потерянное счастье в племяннике – сыне Нади, она стала шутить и смеяться. Но очередные эксперименты забрали последнее – они цинично отняли её бесценную жизнь.

Надюша

Длинная узкая комната с трудом вмещала скудный полуаскетический интерьер. От кровати большой до другой, маленькой, напротив – один всего шаг. Большое сомнение в убожестве помещения оставляло огромное, почти во всю стену, окно. Из-за его огромности и обилия света убожество несколько скрадывалось. Живущим здесь окно виделось воротами в большой сказочный мир. Когда разбушевавшаяся стихия хлестала в окно водяной сечкой, молниями расцветивая на стёклах змеевидные потоки воды, на бледном лице «узника» обозначались, как на полотне экрана, текущие события. Не страх, а только его попутчик – ожидание, звучало мелодией сопровождения спектакля, разворачивающегося на стройплощадке развивающегося социализма.

За кроватью поменьше – стол, изготовленный на заказ, дабы втиснуть в интерьер всё остро необходимое. Боже упаси, речь не идёт о намётке вкуса, хотя элементом его можно было назвать, правда, с большой натяжкой, копию масляными красками известной картины «Утро в сосновом бору». Претензию на уют, картина, без сомнения, имела. За столом – стандартный стул не худшего достоинства, сбоку от него – широкая тумбочка, похожая на атакующего английского бульдога, сваянная руками мастерового собственной фантазией. В противоположной стороне – угловой буфет, стоял напоминанием о чьей-то неплохо сохранившейся роскоши. Нехитрая его оснастка дополняла сведения о жильцах. Посуда была в дефиците, что лишало жильцов возможности красивого семейного чаепития. У большой кровати сбоку – нагромождение на стуле из свёрточков и свёртков в пожелтевших от времени газетах. Впритык к входной двери, рядом с глухой створкой, – помойное ведро с мыльной водой. По стоявшему на табу-

редке оцинкованному ведру можно оценить рациональность жильцов в умении расположить на узком пространстве обитания всё необходимое для элементов жизнедеятельности.

Не буду терзать ваши ждущие событий головы описанием убогого жилища, хотя ещё несколько слов об абажуре. Свитый в косицу электрический провод держал его на приличном отдалении от высокого потолка. Скроенный из парашютной ткани руками домашней мастерицы, вложившей в рисунок частицу мечтательной души, он по вечерам отбрасывал тенью карусельный хоровод игрушек. Только по вечерам помещение обретало вид, да и то под сильным воображением, смахивающий на уютный пенал. Бывшая казарма, приспособленная под индивидуальное ведомственное жильё, перегороженная на секции-клетушки, служила постоянным пристанищем в большинстве своём одиноким молодым офицерам, сверхсрочникам и отчасти вольнонаёмным. На втором этаже здания казарменные залы делились перегородками, с учётом более высоких потребностей чинов рангом выше. С годами семьи вырастали детьми, да стариками-родителями, съехавшими с насиженных мест под надёжное крыло сына. Понятие «нормальный быт», как мы воспринимаем это сейчас, отсутствовало на обоих этажах. Вода – один кран на общую кухню, санузел – один на весь этаж. Самый распространённый атрибут каждой комнаты – ночные параша в углу потемнее, а на табуретке, как при описании выше, ближе к входу – ведра с чистой водой.

...Надечка рано осиротела. Отца, в прошлом казачьего есаула из охраны самого царя, после революции и смерти мамы судьба на стыке эпох с дочерьми загнала в Закавказье. Щупальца НКВД в этих местах не так свирепствовали. Это ближе к столице сотни и сотни не успевших сбежать боевых казаков в короткое время исчезали на сибирских каторгах. Братья отца успели выскочить из горячего котла с отступающими войсками в Крым. Растеряв своих близких, оказались на чужбине. А сколько их, сынов своей любимой Отчизны, не дождавшись лучшей доли, упокоилось уже там, под неухоженными холмиками на задворках чужих минералов.

Сменив ладный мундир на мешковатый пиджак, отец устроился сцепщиком вагонов на тупиковой станции, недалеко от границы, имея, вероятно, в арсенале замысел побега на сопредельную сторону. Старшенькой – Верочке, минул двенадцатый год, младшенькой – Надечке, едва исполнился годик, Любаше – восемь лет. Воспитанный в старых традициях, отец остался верным родительскому долгу до конца. Недоедание ли, довлеющий ли каждодневный страх быть раскрытым, болезнь, а скорее всего, всё вкуче, подкосили его здоровье. После перенесённого воспаления лёгких он так и не поднялся, оставив на самоопределение трёх несовершеннолетних дочерей. Надечке было тогда два годика. Понятие «пойти по рукам» уже устоялось в том времени, но сёстры, благодаря Верочке, выстояли, выжили, хотя житейского опыта у неё – три класса женской гимназии. В гимназиях тогда не учили выживать – там учили азбуке, рукоделию – готовили будущих добропорядочных мам. Им повезло тем, что в семье существовали семейные устои – они и крепкий характер Верочки сплотили их ещё при жизни отца, позволили в тяготах времени не рассыпаться по приютам. Им не повезло с той новой идеологией, что огнедышала раскрытыми ртами с плакатов Агитпропа. Надечка росла, похожая на котёнка-перекидыша – сёстрам приходилось добывать на пропитание где придётся. Надечка с семи лет начала прирабатывать в помощь сёстрам. В смекалке и одарённости она пошла дальше сестёр. Её – дитя предвоенных дворов, в сущности пацанку, тянуло в лоно семьи. Сила их крови заложена был в ней на троих. Природная воля помогала двигаться шаг за шагом к своей цели. Она окончила семь классов и поступила на курсы медсестёр. Спустя восемь месяцев оконченные с отличием курсы остались за спиной. Сёстры к тому времени стали жить своей жизнью, но каждая из них помнила: их Надюша, их кровиночка, осталась там, где упокоился прах отца, там, где продолжает витать живой дух прошлого.

Шёлковый абажур стал первым атрибутом комнаты Надечки, выделенной ей воинской частью, куда её взяли медсестрой. Каким счастьем и гордостью светились её глаза, когда она

впервые вошла в свой «пенал»! К широкой железной кровати постепенно, в течение года, прибавилось всё то, что мы описали ранее. Одним из первых самостоятельных приобретений стала двухтрубная керосинка. На ней Надечка, на единственном свободном пятачке комнаты, варила борщи. Керосинкой же она согревалась в дождливые сырые ночи Закавказья. Надечка рада была созданному уюту – другого она не знала. В разговоре с соседями она простодушно делилась своими достижениями и, делала это так, как могут вволю настрадавшиеся люди, от всего сердца радуясь чужим успехам как собственным.

Он – военный технарь, появился на её небосклоне внезапно, как лёгкое летучее облачко. Покорил он её тем, чего так не хватало в детстве – сладостями. Всё началось с санчасти, куда он заскочил перебинтовать разрезанную рваным металлом ладонь. Отблагодарил конфеткой. На перевязки приносил ещё и ещё. Всего через несколько дней он, пахнувший техникой, далеко не строевая элита воинской части, о чём она втайне мечтала, настойчивый и своенравный, остался у неё на ночь. Впоследствии заходил ещё несколько раз, пока Надечка не поняла, что ждёт от него ребёнка. Она не полюбила его всей страстностью своей души, хотя уродцем он не слыл. Решающую роль в выборе сыграл его щедрый нрав. Надечка решила родить. Узнав об этом, он откровенно запротестовал и однажды обманом завлёл её к крепенькой, пупырчатой, похожей на жабу тётке, живущей на задворках воинской части в бараке. Он привёл и оставил Надечку, переглянувшись с тёткой – в нос бил тяжёлый запах растопленного мыла. На тахте, за ситцевой занавеской, лежала, постанывая, женщина. Надечка, не искушённая в подобных вопросах, лишь догадалась, куда её привели. Возможно, она бы и решилась на аборт, обнаружив полное несоответствие отца своего ребёнка её идеалу, но гены и прививаемые в семье принципы подсказали ей: это деяние гораздо сквернее. Выскочив из мрачного гиблого помещения во двор, она до головокружения вдохнула порцию свежего весеннего воздуха. В этом жутком контрасте Надечка остро ощутила новый вкус жизни. Живо представив родное существо задушенным в смрадной дыре, решила: «Этому не бывать никогда! И без посторонней помощи, вдвоем с сыном (иначе она и помыслить не могла) мы достигнем счастья».

...Прошли годы. Сыночек подрастал смышлённым карапузом – ему исполнилось три года. Сын смешно коверкал слова, составляя нужные по смыслу предложения. Незадачливый его отец незадолго до его рождения демобилизовался, растворившись в необъятных просторах поднимающейся из военной разрухи страны. Окружающие Надечку жалели, оказывали знаки внимания – ничем же существенным помочь не могли.

Природа и молодость брали своё – после рождения сына Надечка расцвела. У неё округлились формы, роскошные волосы, ниспадая на плечи, пухли набегающей морской волной. Миниатюрная белая косыночка с красным крестом медицинской сестры довершала русский сполох. В её внешнем виде не чувствовалось озабоченности, а в манерах проступала затаённая сильная порода. За ней ухаживали – её хотели, и она иногда уступала, сдавалась – слишком много внимания свалилось внезапно. Постепенно за ней растянулся шлейф коридорных пересудов. Ей устраивали сцены ревности жёны офицеров. Пришлось поменять место работы. Надечка жила всё там же, однако новая работа из-за отдалённости совсем лишила её свободного времени – маленького сынишку приходилось оставлять одного под надзором добросердной соседки. Сыночек рос некапризным ребёнком, не доставлял особых хлопот. Надечка ставилась для него: одет он был небогато, но аккуратно – шароварчики и толстовочки кроила и шила сама, что, в общем, в то трудное время не являлось каким-то исключением. Хорошо помня своё недоедание в детстве, в еде ни в чем сыну не отказывала. Яблочко сыночку – самое лучшее, молоко покупала у доброй аджарки от коровки, которой скрытно таскала объедки из столовой. Аджарка не всегда брала с неё деньги. С трудом перебивалась, выцарапывалась – хватало. Так бы и шло время своим чередом: сыночек бы подрастал, а Надечка ждала бы небесного благоволения, но на её пути встретился мужчина – блестящий майор из фронтовиков. Именно такой образ ей виделся идеальным. Будучи зрелым мужчиной, он увидел в Надечке все

её достоинства. Он её полюбил глубоко, искренне, отбросив язвительный шепоток жаждущих её крови, обиженных офицерских жён, но поставил условие. Майору предложили с повышением высокую должность в советской группе войск в Восточной Германии. Не желая тащить туда шлейф сплетен, он предложил оставить Надечке сына на воспитание знакомой бездетной офицерской чете, лишённой возможности иметь своих детей. У Надечки появилась коварная отдушина вырваться в свет, её генетически тянуло к роскоши – она смалодушничала. Будущая семья сына приносила успокоение: по тем меркам она являлась образцом благополучия. Терзалась Надечка долго, но обеспеченная красивая жизнь, вначале в Германии, потом, возможно, в Москве, отвлекла от тяжёлых мыслей. Грудь её налилась живительным соком, притягательные формы делали её женственней, образцом времени. В высоких кругах, где им доводилось бывать, появилось немало ценителей её острого ума и красоты. Надечка могла позволить себе лишь лёгкий флирт. Мужу своему она не изменила никогда, хотя обида за сына таилась в тайниках её чувствительной души. Именно этот факт помешал впоследствии раскрыть неизведанную глубину её преданного сердца. Бог им детей не дал. Всё в этом мире не так просто, за всякое зло человек когда-нибудь платит по счетам.

После Германии – Академия Генштаба в Москве. Её муж, вместо действующей армии, назначается военным атташе в Республику Южного Йемена. В полудикой стране жаркого бассейна Красного моря они прожили три года. Организм Надечки, закалённый тяжёлым детством, стойко переносил тяготы тропической жизни, а вот муж заболел жёлтой лихорадкой, потерял активность и слёг. Вместо положенных пяти лет отработали только три.

По возвращении в Москву здоровье мужа поправилось, и вскоре новое назначение – Монголия. Надечку – домашнюю, преданную и красивую, невозможно было не любить, и он любил её самозабвенно. Он баловал её и уступал – поехал осваивать новое место без неё. Оставшись одна, Надечка до одури, без разбора отдавалась столице: посещала цирки, галереи, парки, выставки, театры. В Москве ей нравилось всё. В отличие от коренных москвичей, уставших от постоянных гостей и туристов, она с большим удовольствием рассказывала заплутавшим незнакомым людям о нужных маршрутах, иногда вызывалась проводить. Надечке льстила благодарность людей, искреннее восхищение ею. Она мечтала о счастье, но о таком запредельном, когда купалась в нём с головой, никогда не помышляла. Не зря говорится: «Счастье ощущаешь тогда, когда оно от тебя уходит».

В суматохе праздничных будней день сменяла ночь, но мысль увидеть своего сына не покидала её ни на миг. Она хотела и помнила об этом всегда. В одиночестве мысли стали настолько навязчивыми, что Надечка потеряла сон. Встречу с сыном она обыгрывала в своей изобретательной голове сотни и сотни раз. На запрос ей ответили: искомая семья живёт в Киеве, на знакомом по песне Крещатики. Надечка отправилась по адресу тотчас, не раздумывая, без определённого плана, по зову пламенной души. Она всегда убеждала себя, что оставила сына на время. В разыгравшихся чувствах она не давала себе отчёт, ведь прошло ни много ни мало – двадцать лет. Сын – уже сформировавшаяся личность, воспитанная в чужой семье. Он называет своими родителями других, наверное, любимых им людей – вероятно, её осуждает и не желает видеть. Она не осмысливала наивность, с которой оправдывала свои действия. Не оценивала поступок двадцатилетней давности, его свойство – предательство. По приезде в Киев эйфория прошла – ей взгрустнулось. На тенистой аллее, под роскошными каштанами, Надечка пыталась построить текущий план. В конце концов она решила увидеть сына пока издалека. Окольными путями, через вездесущих бабушек, ей удалось навести справки. Оказалось, на месте сына нет – он на учёбе в Одесском высшем инженерном мореходном училище. Очертя голову, Надечка отправилась в славную Одессу. Она могла собрать всю волю в кулак, становясь непреклонной, решительной, сродни своему боевому отцу. Как и Верочка, Надечка унаследовала его характер.

И вот она стоит на проходной училища – красивая, цветущая 38-летняя женщина. Даже при её лёгкой полноте ей можно было дать не более тридцати. Черноволосый красавец-курсант с нашивками пятого курса, явно красуясь собой, с повязкой «дежурный по КПП» выслушал Надечку и игриво высказал сожаление, что тот счастливчик не он. В динамике прозвучала чёткая отрывистая команда: «курсанту 4-го «В» СВО Воронцову прибыть на КПП». Надечка судорожно всматривалась в каждого, кто приближался к «дежурке». Она ждала увидеть щупленького мальчика с голубыми глазами, а сердце узнало родное в крепком спортивном парне с вьющимися волосами и бездонными голубыми глазами.

– Это вы спрашивали меня? – спросил он слегка испуганным голосом, что совсем не вязалось с его мужественным видом.

В возбуждении Надечке в первое мгновение показался его взгляд холодным, но в следующее – он метнул васильками глаз по её лицу, и она ощутила физически, как от него пошёл тёплый посыл. Надечка почувствовала внезапную слабость. Чтобы не упасть, она присела – он учтиво помог ей.

– Ты узнал меня, сынок, я вижу, – задрожал её голос.

Расположились они во внутреннем палисаднике – группа курсантов, сидящих там, многозначительно удалилась.

– Ты узнал свою несчастную маму?

– Не надо ничего объяснять, я, как ни странно, знаю ваше лицо. Оно оставалось со мной всегда. И ещё я помню большие красные яблоки на столе. Всего год назад мне обо всём рассказали мои родители – они хорошо отзывались о вас. Сказали, что вы где-то за границей.

– Прости меня, сынок, – едва смогла проговорить Надечка и от обилия нахлынувших чувств заплакала.

Сын подал ей платок, который тут же стал мокрым от невыплаканных слёз. Так и остался у нее этот платок в память об их встрече.

Они стали общаться – обмениваться письмами. В каждом письме Надечка ревностно сравнивала количество тёплых слов в свой адрес и в адрес его родителей – сын не обижал её этим.

Десять лет минуло, прежде чем разбросанные судьбой сёстры встретились. Муж Надечки скоропостижно умер. Она бросила всё: столицу, ставшие её целым увлечением – вернулась назад, к истокам, откуда начиналась её сознательная жизнь. Это был прибрежный тихий городок и порт – он позволял видеться с сыном чаще, чем приёмным родителям. Сын стал штурманом океанского лайнера.

Надечка и сегодня могла бы жить ожиданием встречи с сыном, быть счастливой очередной встречей, но политические события разрушили некогда единый организм страны, искорвав миллионы судеб, не пощадив и её с сёстрами. Дикостью наступившего времени вновь раскидало сестёр. Безмерно терпение русского человека, и пусть помнят «вершители судеб»: неизбежно наступит их заслуженный конец. Недолго Надечка пережила своих сёстер – она лежит на тенистом кладбище, в селе, где жила последние годы на даче у сына, далеко от ветров, которые стучали в огромное во всю стену окно, пугая неизвестностью. И совсем недалеко от Большака, ведущего в столицу.

Сын не забывает её. Каждой весной аккуратная могилка оживает цветами – сиренью, которую она любила больше всего.

– Следующая глава о событиях близкого нам времени, в вероятном продолжении поколения наших главных героев.

Любовь

Я подумал: а не слишком ли много в моих письменах трагизма – жизнь многогранна, она течёт, улучшается?! Но с горечью, листая новейшую историю, признаю: неблагополучия нескончаемы, и за каждым из них стоят миллионы исковерканных жизней. И разве легче от того, что ты и близкие в этом не одиноки? Разрешено быть лояльным к религии, восстанавливать храмы, чтить престольные праздники. Слава Богу за просыпающийся разум. Верхушка поменяла тактику: в прошлом допущена огромная, если не стратегическая ошибка. Напрашивается сравнение: «Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало». Своеобразной стране нужна сила, могущая поддержать в душах терпеливых людей, постоянно разочарованных ожиданием, тлеющий фитилёк надежды. По степени образованности и индивидуальной утончённости миллионы разделились. Волю на самоопределение отобрать невозможно. Открываю вам мнение человека, не просто, а самоотрешённо побывавшего в разных временных ролях: от послевоенного романтизма до нынешнего капиталистического палеолита. Реинкарнация – блеф для испуганных наседающей старостью и обласканных судьбой. Рай, ад – это для затуманенных, как атмосфера Венеры, рассудков. Параллельные миры – опус, подобный эху, как бессмысленному отголоску. Чем больше сконцентрируется тепла от материальной и единственной жизни, тем лучше будет греть солнышко на старческой завалинке, где и уснуть навечно будет естественнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.